

Р. Л. СТАЙН

Ужасстики™

ТАЙНА ЧАСОВ С КУКУШКОЙ

Annotation

Эту книгу написал известный автор дестких триллеров Роберт Стайн.

Отец двенадцатилетнего Майкла Вебстера купил в антикварной лавке старинные часы с кукушкой, которая выглядела как настоящая. Поговаривали, что эти часы — волшебные, даже колдовские, из Черных лесов Германии. С их помощью можно путешествовать во времени...

- [Роберт Лоуренс Стайн](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [notes](#)

- [1](#)
-

Роберт Лоуренс Стайн
Тайна часов с кукушкой

— Майкл, у тебя шнурки развязаны!

Моя сестра Тара, ухмыляясь, сидела на крыльце. Очередная ее мерзкая шуточка.

Не такой я дурак, чтобы опустить глаза на ботинок. Если я это сделаю, она даст мне саечку или выкинет еще что-нибудь в этом роде.

— Я не куплюсь на такой старый розыгрыш, — сказал я.

Мама только что позвала меня и эту гадюку обедать. Час назад она выгнала нас, не выдержав нашей перебранки.

С Тарой было невозможно не ссориться.

Когда доходит до глупых розыгрышей, Тара не может остановиться.

— Я не шучу, — настаивала она. — Твои шнурки развязаны. И ты сейчас споткнешься.

— Отвяжись, Тара, — сказал я и начал подниматься по ступенькам.

Левый ботинок, казалось, прилип к бетону. Я рывком отцепил его.

— Фу, какая мерзость! — Я вляпался во что-то липкое.

Я поглядел на Тару. Тощая маленькая нахалка, с красным ртом от уха до уха, как у клоуна, и каштановыми длинными прямыми волосами, которые она завязывает в два хвоста.

Все находят, что мы похожи как две капли воды. Ненавижу, когда так говорят. У меня тоже каштановые волосы, но вовсе не такие патлы, а короткие и густые. И рот у меня нормального размера. Никто никогда и не считал, что я похож на клоуна.

Я не очень высок для своего возраста, но не худой.

И как Тара, я вовсе *не* выгляжу.

Она, хихикая, наблюдала за мной.

— Лучше б под ноги смотрел, — насмешливо пропела она.

Я поглядел на башмак. Шнурки, конечно же, оказались развязаны. И я только что наступил на огромный комок жвачки. Если бы я взглянул на шнурки, я бы его заметил.

Но Тара точно знала, что я ни за что *не сделаю этого*. Не стану следовать ее советам.

Опять попался на удочку Тары Ужасной.

— Ты еще получишь, Тара, — проворчал я. Я хотел схватить ее, но она увернулась и вбежала в дом.

Я погнался за ней. Добежав до кухни, она завизжала и спряталась за мамой.

— Мамочка, спрячь меня! Майкл сейчас меня убьет! — завопила она.

Как будто она меня боялась. Старая уловка!

— Майкл Вебстер! — отчитывала меня мама. — Прекрати преследовать свою маленькую сестру. — Взгляд ее упал на мои ноги, и она добавила: — Это что, жвачка на твоём ботинке? Ох, Майкл, ты разнесешь ее по всему дому!

— Это Тара *заставила* меня наступить на нее! — захныкал я.

Мама нахмурилась:

— И ты полагаешь, что я в это поверю? Майкл, опять ты все выдумываешь!

— Ничего подобного! — вскричал я.

Мама с возмущением покачала головой:

— Если уж ты врешь, Майкл, по крайней мере, делай это умело.

Тара высунула голову из-за мамы и插вила еще одну шпильку:

— Да уж постарайся, *Майкл*.

И засмеялась. Она обожала это.

Она все время меня подставляет. Мне всякий раз достается от родителей, хотя виновата она. А может ли наша Тара когда-нибудь сделать что-то дурное? О, нет, никогда! Она у нас просто ангел во плоти. Само совершенство.

Мне двенадцать. Таре семь. За последние семь лет она сделала мою жизнь невыносимой.

Жаль, что я плохо помню первые пять лет. Дотаровые годы. Они, должно быть, были восхитительными! Спокойными и мирными, полными забав!

Я вышел на заднее крыльцо и соскреб жвачку. Раздался дверной звонок, и я услышал голос папы:

— Вот они! Я их достал!

Мы собрались перед входной дверью. Двое мужчин пытались затащить в дом что-то тяжелое. Что-то длинное и узкое, завернутое в серое покрывало.

— Осторожнее! — предостерегал папа. — Они очень старые. Несите их сюда.

Папа показывал грузчикам проход в кабинет. Они поставили предмет вертикально и стали разворачивать его. Он был шириной с меня и на полметра выше.

— Что это? — спросила Тара.

Папа ответил не сразу. Он потер руки в предвкушении удовольствия. Проскользнув в комнату, Бабба, наш кот, потерялся о папины ноги.

Серое покрывало упало, и перед моим взором предстали причудливые старинные часы. Они были в основном черные, но с большим количеством позолоченных, серебряных и синих узоров, все в завитках, резьбе, набалдашниках и шишечках.

Циферблат был белым с золотыми стрелками и золотыми римскими цифрами. Я разглядел потайную дверцу, сливавшуюся с линиями рисунка, и большую дверь в центре часов.

Грузчики выбрали серое покрывало, папа дал им денег, и они ушли.

— Правда, великолепны? — с чувством произнес папа. — Это антикварные часы с кукушкой. Я их купил по дешевке. Знаете магазин напротив моей конторы? Антикварную лавку Энтони?

Мы все согласно закивали.

— Они стояли в лавке почти пятнадцать лет, — сообщил нам

папа, поглаживая часы. — Всякий раз, проходя мимо, я останавливался, чтобы посмотреть на них. Мне они всегда нравились. И в конце концов Энтони выставил их на продажу.

— Здорово! — сказала Тара.

— Но ты с Энтони годами торговался, и он ни за что не хотел снижать цену, — заметила мама. — А сейчас что же?

Папино лицо просветлело.

— Ну, сегодня я зашел в лавку во время ленча, и Энтони мне сообщил, что обнаружил маленький изъян в часах. Что-то в них не так.

Я обследовал часы:

— Где?

— Он отказался сказать. Дети, вы замечаете что-нибудь?

Мы с Тарой стали искать какой-нибудь брак. Все цифры на циферблате были правильными, стрелки на месте. Я не обнаружил ни сколов, ни царапин.

— Я ничего такого не вижу, — объявила Тара.

— И я тоже, — добавил я.

— Ну и я тоже, — согласился с нами папа. — Не знаю, о чем толковал Энтони. Я ему сказал, что в любом случае куплю часы. Он начал было отговаривать меня, но я настоял. Если изъян такой незначительный, что мы не можем его найти, то какая разница? Мне на самом деле они очень нравятся.

Мама откашлялась:

— Не знаю, дорогой, ты действительно считаешь, что они хорошо смотрятся в кабинете?

По выражению ее лица я понял, что часы ей нравятся вовсе не до такой степени, как папе.

— А куда мы их еще можем поставить? — спросил папа.

— Ну, может быть, в гараж?

Папа рассмеялся:

— Хорошая шутка!

Мама покачала головой. Она не шутила. Но и не сказала ни слова больше.

— Мне кажется, дорогая, в кабинете этим часам самое место, — добавил папа.

На правой боковине часов я обнаружил маленький циферблат. Поверхность у него была позолоченная, и выглядел он как циферблат миниатюрных часов. Но там была только одна стрелка.

Крохотные цифры, написанные черной краской, шли по кругу циферблата, начиная с 1800 и заканчиваясь на 2000. Тоненькая золотая стрелка указывала на 1995.

Стрелка не передвигалась. Пониже циферблата в дерево была утоплена золотая кнопка.

Не трогай эту кнопку, Майкл, — предупредил папа. — Этот циферблат показывает текущий год. Этой кнопкой передвигают стрелку к следующей цифре года.

Довольно глупо, — заметила мама. — Кто же это, интересно, забудет, в каком году он живет?

Папа не ответил ей.

— Понимаешь, часы были сделаны в тысяча восьмисотом году, с которого и начинается отсчет. Каждый год стрелка передвигается на одно деление к следующей цифре.

— А почему все заканчивается на двухтысячном году? — спросила Тара.

Папа пожал плечами:

— Не знаю. Думаю, что часовой мастер с трудом мог вообразить себе наступление двухтысячного года. А может быть, он решил, что часы не проживут дольше.

— Он, наверное, думал, что в тысяча девятьсот девяносто девятом году наступит конец света, — предположил я.

— Вполне возможно, — согласился папа. — В любом случае, пожалуйста, не трогайте эту стрелку. Впрочем, я бы не хотел, чтобы вы прикасались к этим часам вообще. Они совсем старые и очень-очень хрупкие. Договорились?

— Ладно, папа, — сказала Тара.

— Обещаю, — согласился я.

— Посмотрите, — сказала мама, показывая на часы, — время — шесть. Обед почти...

Слова мамы потонули в громком звуке гонга. Маленькая дверка, расположенная прямо над циферблатом, распахнулась — и оттуда выскочила птица. У нее была самая отвратительная голова, которую я когда-либо видел у птиц, и она подпорхнула прямо к моему лицу.

Я вскрикнул:

— Она живая!

«Ку-ку! Ку-ку!»

Птица хлопала своими желтыми крыльями. Ее жуткие ярко-синие глаза уставились на меня. Она прокуковала шесть раз, а затем влетела обратно внутрь часов. Дверца захлопнулась.

— Да она не живая, Майкл, — рассмеявшись, сказал папа. — Но и вправду выглядит как настоящая, да? Вот здорово!

— Дурак! — стала дразнить меня Тара. — Напугался! Испугался часов с кукушкой!

Она подскочила и ущипнула меня.

— Отцепись, — огрызнулся я, отпихнув ее.

— Майкл, не толкай сестру, — сделала мне замечание мама. — Ты не осознаешь, насколько ты сильнее. Ты мог сделать ей больно.

— Да, Майкл, больно, — подтвердила Тара. Папа продолжал восхищаться часами. Он глаз не мог отвести от них.

— Ничего удивительного, что кукушка напугала тебя, — сказал он. — Эти часы особенные. Они из Черных лесов Германии. Предполагается, что они колдовские.

— Колдовские? — повторил я. — Ты имеешь в виду волшебные? Как это?

— Легенда гласит, что мастер, который их создал, обладал магической силой. Он сделал их волшебными. Говорят, что тот, кто знает секрет, может с их помощью путешествовать обратно во времени.

Мама насмешливо заметила:

— Это Энтони поведал тебе об этом? Замечательный способ продажи старых часов. Объявить об их магических свойствах!

Но папе невозможно было испортить настроение.

— Как знать, — ответил он, — может, это правда. Почему бы и нет?

— Я считаю, это правда, — заявила Тара.

— Герман, я не хочу, чтобы дети слышали эти дикие вымыслы, — упрекнула мама папу. — Ничего хорошего это детям не даст. Это только воодушевит еще больше Майкла. Он и так вечно выдумывает, сочиняет и рассказывает всевозможные небылицы. Я полагаю, он от тебя поднабрался.

— Ничего я не выдумываю! — запротестовал я. — Я всегда говорю правду.

И как только мама может так думать обо мне?!

Считаю, детям не мешает время от времени напрячь свое воображение, — сказал папа.

— Воображение — это одно, — ответила мама, — а ложь и сочинительство — совсем другое.

Я кипел от возмущения. Мама так несправедлива ко мне! Добило меня победное выражение лица Тары.

Выставить меня дураком было делом всей ее жизни. А мне хотелось навсегда стереть эту ухмылку с ее лица.

— Обед почти готов, — объявила мама, выходя из кабинета. Кот последовал за ней. — Майкл, Тара, пойдите умойтесь!

— И помните, — предупредил снова папа, — часы не трогать!

— Хорошо, папа, — сказал я.

Вкусно пахло обедом. Я направился в ванную, чтобы умыться. Когда я проходил мимо Тары, она сильно отдала мне ногу.

— Ой! — вскрикнул я.

— Майкл! — рявкнул папа. — От тебя столько шума!

— Но, пап, Тара отдала мне ногу.

— Тебе не могло быть так больно, Майкл: она гораздо меньше тебя.

Ногу дергало. Я, прихрамывая, пошел в ванную. Тара шла следом.

— Ты как маленький, — поддразнивала она.

— Угомонись, Тара, — сказал я. И зачем Бог наградил меня

такой сестрицей, худшей из худших?

На обед у нас были макароны с брокколи и томатным соусом. Мама была яркой противницей мяса и жиров. Мне было все равно. Тем более макароны лучше, чем то, что мы ели вчера, — суп из чечевицы.

— Мне кажется, дорогая, — пожаловался папа маме, — что иной раз гамбургер никому бы не повредил.

— Я так не считаю, — отрезала мама. Ей не нужно было что-либо добавлять. Она нам уже прочла не одну лекцию о вреде мясного, жиров и химикалий.

Папа положил на макароны толстый слой пармезанского сыра.

— Наверное, на некоторое время не стоит пользоваться кабинетом, — заметил папа. — Я и подумать не могу о том, как вы двое можете, играя там, разбить часы.

— Но, папа, я должен сегодня делать уроки в кабинете, — сказал я. — Мне нужно подготовить сообщение о транспортных средствах в разных странах. И мне нужна энциклопедия.

— А ты не можешь взять ее себе в комнату? — спросил папа.

— Всю энциклопедию?

Папа вздохнул:

— Да, конечно, не можешь. Ну, хорошо. Сегодня разрешаю позаниматься в кабинете.

— Мне тоже понадобится энциклопедия, — объявила Тара.

— Тебе она не нужна, — выпалил я. Она просто решила крутиться в кабинете, чтобы подсматривать за мной, только и всего.

— Нет, нужна: мне задали прочитать о золотой лихорадке.

— Ты все придумала. Во втором классе не проходят золотую лихорадку. Только в четвертом!

— Тебе-то откуда знать? Миссис Долин *сейчас* нам рассказывает про золотую лихорадку. Может быть, мой класс гораздо сильнее, чем был твой.

— Послушай, Майкл, если Тара говорит, что ей понадобится энциклопедия, почему нужно сразу вступать в перепалку? — сказала мама.

Я вздохнул и отправил вилку с макаронами в рот. Тара показала мне язык.

«Абсолютно бессмысленно что-нибудь обсуждать, — решил я. — Мне от этого только хуже».

После обеда я притащил свой рюкзак в кабинет. Пока не было никаких признаков присутствия Тары. Я надеялся, что мне удастся сделать хоть часть домашнего задания до того, как она появится и примется донимать меня.

Я выложил книжки на папин стол и скользнул глазами по часам. Они были далеко не красивыми — скорее, безобразными. Но все эти завитушки, резьба и шишечки притягивали взгляд. Было ощущение, что часы на самом деле могли быть волшебными.

Я стал размышлять о браке, о котором говорил папа. Я мучился в догадках, что это был за изъян. Какая-нибудь неровность? Зазубрина на шестеренке? Отбитая краска?

Я обернулся и посмотрел на дверь кабинета. В нее, мурлыкая, проскользнул Бабба. Я погладил его.

Родители все еще прибирались после обеда на кухне. Я решил, что ничего страшного не произойдет, если я немного погляжу на часы.

Стараясь не притрагиваться к шишечкам и кнопкам, я разглядывал циферблат, показывающий годы. Я провел пальцем по серебряной завитушке на краю часов и взглянул на окошечко над основным циферблатом. Я знал, что там, за дверцей, сидит кукушка и ждет своего часа, чтобы вовремя выскочить.

Мне не хотелось, чтобы птица опять меня напугала, и сверил время. Без пяти минут восемь.

Под циферблатом я увидел другую дверь. Большую. Я дотронулся до золотой круглой ручки.

«Что там за дверью? — раздумывал я. — Наверное, механизм или маятник».

Я бросил взгляд через плечо. Никто меня не видит. Ничего не случится, если я только загляну за эту большую дверь в часы.

Я дернул за золотой набалдашник. Дверь не поддавалась. Я потянул сильнее.

Дверь нараспашку открылась.

Я не мог сдержать крика, когда из часов вывалился отвратительный зеленый монстр. Он схватил меня и прижал к полу.

— Мама! Папа! На помощь! — визжал я.

Монстр занес надо мной свои длинные когти. Я закрыл лицо руками, ожидая, что меня сейчас раздерут на куски.

— Обманули дурака на четыре кулака! — захихикал монстр и пощекотал меня когтями.

Я открыл глаза. Тара! Тара в своем старом хэллоуинском костюме!

Она каталась по полу, заходясь от смеха.

— Тебя так легко напугать! — прокричала она. — Видел бы ты свое лицо, когда я выпрыгнула из часов!

— Вовсе не смешно! — воскликнул я. — Это...

Гонг.

«Ку-ку!.. Ку-ку!.. Ку-ку!.. Ку-ку!..» Птица высунулась из часов и стала куковать. Ладно, признаю, она снова меня напугала. Но неужели Таре непременно нужно живот надирать от смеха?!

Что здесь происходит? — Появившийся в дверях папа смотрел на нас сверху вниз. Он показал на часы. — Почему это дверь открыта? Майкл, я же тебе *говорил*: близко не подходи к часам!

— При чем здесь я? — кричал я.

— Он хотел поймать кукушку, — соврала Тара.

— Я так и думал, — сказал папа.

— Папа, это неправда! Это Тара...

— Довольно, Майкл. Я сыт по горло: всякий раз, когда ты совершаешь проступок, ты обвиняешь Тару. Наверное, твоя мама права. Я, должно быть, и впрямь дал пищу твоему воображению.

— Это несправедливо! — завопил я. — Нет у меня никакого воображения! Ничего я не выдумываю *никогда*.

— Папа, он врет, — сказала Тара. — Я вошла сюда, а он играл с

часами. Я пыталась остановить его.

Папа кивал, переваривая каждое слово, изрекаемое его бесценной Тарой.

Я ничего не мог сделать. Как ураган, я пронесся в свою комнату и хлопнул дверью.

С Тарой — одно мучение! Другой такой на всем белом свете не сыскать, но ее никогда ни за что не ругают. Она даже день рождения умудрилась мне испортить.

Три дня назад мне исполнилось двенадцать. Обычно все любят дни рождения. Ведь предполагается, что это радостный день.

Но оказалось, что не для меня. Тара постаралась превратить его в худший день моей жизни. Или, по крайней мере, в один из худших.

Для начала она испортила мой подарок.

Замечу, что родители были в сильном возбуждении по поводу этого подарка. Мама прыгала вокруг меня, как цыпленок, приговаривая:

— Только не ходи в гараж, Майкл! Делай все, что хочешь, только не ходи в гараж!

Я, конечно, знал, что она спрятала подарок в гараже. Но просто чтобы помучить ее, я спросил:

— А почему? Почему мне нельзя зайти в гараж? У меня сломан замок в комнате, мне надо взять папины инструменты...

— Нет, нет! — воскликнула мама. — Попроси папу починить замок. Он сам принесет инструменты. Тебе не надо туда ходить, потому что... ну... там большая куча мусора. И она омерзительно пахнет. Запах такой, что тебя стошнит!

Грустно, правда? И она еще полагает, что все мои «выдумки» исходят от папы!

— Ладно, мам, — пообещал я. — Я не буду заходить в гараж.

И не стал, хотя замок в моей комнате был действительно сломан. Я не хотел испортить их сюрприз.

По случаю моего дня рождения вечером они устраивали большой праздник. Ко мне должны были прийти друзья из школы.

Мама испекла торт и приготовила бутерброды. Папа носился по дому, расставляя стулья и развешивая украшения из полос гофрированной бумаги.

— Папа, ты не починишь мне замок? — спросил я.

Это была моя собственная комната, где я мог остаться наедине с собой, и замок мне был *нужен*. Тара сломала его неделю назад. Она пыталась вышибить дверь.

— Конечно, Майкл, — согласился папа. — Все, о чем ни попросишь. В конце концов, ты же сегодня новорожденный.

— Спасибо.

Папа взял коробку с инструментами наверх и стал чинить замок. Тара болталась в столовой, желая чем-нибудь досадить.

Как только папа вышел, она потянула вниз ленты гофрированной бумаги и оставила их на полу.

Починив замок, папа отнес инструменты в гараж. Проходя по столовой, он заметил упавшие ленты.

— Господи, ну почему эта бумага не хочет висеть? — пробормотал он. Он снова приладил украшения. Через несколько минут Тара опять сорвала их.

— Я знаю, это твои проделки, Тара, — сообщил я ей. — Прекрати портить мой день рождения.

— А мне и не нужно его портить, — ответила она. — Он и сам по себе отвратительный: просто потому, что ты родился в этот день.

Она изобразила, что трясется от ужаса. Я не стал обращать на нее внимание. «У меня — день рождения. И ничто не мешает мне насладиться им, даже Тара».

Так я *полагал*.

Приблизительно за полчаса до начала торжества родители позвали меня в гараж.

Я притворился, что верю в глупые байки, рассказанные мамой:

— Но там же отвратительная куча мусора!

— А, это, — закудаhtала мама, — я все выдумала.

— Да что ты? — изобразил я удивление. — А я-то поверил!

— Если ты поверил, значит, ты идиот, — сказала Тара.

Папа распахнул двери гаража, и я вошел внутрь.

Там стоял новехонький 21-скоростной велосипед. Велосипед, о котором я давно мечтал.

Самый классный велик, которые я когда-либо видел!

— Тебе нравится? — спросила мама.

— Очень! — закричал я в восторге. — Это просто чудо! Спасибо!

— Классный велосипед, Майкл, — сказала Тара. — Мам, я тоже такой хочу на свой день рождения.

И прежде чем я мог остановить ее, она вскарабкалась на седло моего нового велосипеда.

— Тара, слезь сейчас же! — завопил я.

Но она не слушала. Она попыталась достать до педалей, но ее ноги были слишком коротки. Велосипед грохнулся.

— Тара! — закричала мама, подбегая к этой маленькой дряни. — Ты не ушиблась?

Тара встала и отряхнулась:

— Нет, все нормально, впрочем, я немного рассадил коленку.

Я поднял велосипед и обследовал его. Он уже был не таким черным и не так первоклассно блестел. На руле была огромная белая царапина. Фактически, он был испорчен.

— Тара, ты разбила мой велосипед!

— Не преувеличивай, Майкл, — сказал папа. — Это всего лишь царапина.

— Неужели тебя не волнует, что случилось с твоей сестрой? — спросила мама. — Она ведь могла расшибиться!

— Сама виновата! Она вообще не должна была прикасаться к моему велосипеду!

— Майкл, тебе нужно учиться быть хорошим братом, — изрек папа.

Иногда они доводят меня до бешенства!

— Пойдемте в дом, — предложила мама. — Скоро придут твои друзья.

Празднество. Я подумал, что вечеринка взбодрит меня. В конце концов, будет торт, подарки, мои лучшие друзья. Что может еще произойти?

Сначала все шло хорошо. Один за другим приезжали друзья, все с подарками. Я пригласил пятерых мальчишек — Дэвида, Джоша, Майкла Б., Генри и Ларса, и трех девочек — Сиси, Розы и Мону.

К Сиси и Розы я был равнодушен, но мне очень нравилась Мона. У нее были длинные блестящие каштановые волосы и симпатичный вздернутый носик. Она высокая и хорошо играет в баскетбол. В ней было нечто, что волновало меня.

Сиси и Розы — ее закадычные подружки. Мне пришлось их позвать, так как я приглашал Мону. Они неразлучны. Сиси, Розы и Мона приехали вместе. Они сняли свои жакеты. На Моне был розовый комбинезон поверх белой водолазки. Выглядела она потрясающе! Как были одеты остальные девочки, я не заметил.

— С днем рождения, Майкл! — поздравили они с порога.

— Спасибо, — поблагодарил я.

Каждая вручила мне подарок. Подарок Моны был маленький и плоский, завернутый в серебряную бумагу.

«Наверное, компакт-диск, — вычислил я. — Но какой? Что может выбрать такая девочка, как Мона, в подарок такому мальчику, как я?»

Я положил подарки на стопку других в гостиной.

— Слушай, Майкл, что подарили тебе родители? — спросил Дэвид.

— Да так, велосипед, — стараясь не выдать волнения, ответил я. — На двадцати одной передаче.

Я включил компакт-диск. Мама с Тарой внесли тарелки с бутербродами. Мама вернулась на кухню, но Тара осталась.

— У тебя такая милая сестра, — сказала Мона.

— Тебе так не покажется, когда ты ее поближе узнаешь, — промямлил я.

— Майкл, нехорошо так говорить, — сказала Мона.

— У меня ужасный старший братец, — сообщила ей Тара. — Он все время на меня кричит.

— Ничего подобного! Сгинь, Тара!

— И не подумаю! — Она показала мне язык.

— Майкл, позволь ей остаться, — заступилась за нее Мона. — Она никому не мешает.

— Эй, Мона, — прочирикала Тара. — Знаешь, а ты Майклу нравишься!

Глаза Моны расширились:

— Нравлюсь?

Я стоял красный как рак. Я бросил свирепый взгляд на Тару. Я хотел удавить ее — прямо здесь, прямо сейчас, но не мог: слишком много было бы свидетелей.

Мона засмеялась. Сиси и Розы тоже смеялись. К счастью, мальчишки этого не слышали. Они сгрудились вокруг бумбокса и перескакивали с одной дорожки на другую.

Что я мог сказать? Мне *действительно* нравилась Мона. Я не мог этого отрицать: это задело бы ее. Но признаться в этом тоже не мог.

Мне хотелось умереть. Провалиться сквозь землю и умереть.

— Майкл, ты покраснел! — воскликнула Мона.

Ларе услышал ее слова и сказал:

— А что Вебстер натворил?

Некоторые ребята зовут меня по фамилии.

Я схватил Тару и выволок ее на кухню; в ушах звенел смех Моны.

— Огромное спасибо, Тара, — прошипел я. — Зачем тебе понадобилось сообщать Моне, что она мне нравится?

— Но ведь это правда? — произнесла моя сестрица. — Я всегда говорю правду.

— Ну, конечно!

— Майкл, — вмешалась мама. — Ты опять обижаешь Тару?

Я вылетел из кухни, не ответив ей.

— Эй, Вебстер, — позвал меня Джош, когда я вернулся в гостиную. — Давай пойдем посмотрим твой велосипед.

«Как кстати, — подумал я, — сбежать от девочек».

Я повел их к гаражу. Они все глядели на велосипед, обмениваясь кивками. Кажется, он их впечатлил. Генри взялся за руль.

— Эй, а что это за здоровенная царапина? — спросил он.

— Да я знаю, — принялся я объяснять, — моя сестра... — И умолк, покачав головой. Что толку плакаться? — Давайте пойдем и посмотрим подарки, — предложил я.

Мы гурьбой вернулись в гостиную.

«В конце концов, я смогу насладиться новыми подарками, — решил я. — Их-то Тара не сможет испортить».

Но Тара всегда умела изощряться.

Когда я вошел в гостиную, Тара восседала в куче сорванной оберточной бумаги. Розы, Мона и Сиси наблюдали, расположившись вокруг нее.

Тара постаралась для меня: она открыла все подарки.

«Премного благодарен, Тара».

Она распаковывала последний подарок — от Моны.

— Посмотри, что Мона тебе подарила, Майкл! — прокричала Тара.

Это действительно был компакт-диск.

— Я слышала, что на нем записаны классные песни про любовь, — поддразнила Тара.

Все засмеялись. Они все находили Тару не обыкновенно остроумной.

Позже мы все расселись в столовой в ожидании торта и мороженого. Я сам нес торт. Мама шла следом — с тарелками, свечками и спичками.

Это был мой любимый торт — весь из шоколада.

Осторожно держа блюдо с тортом, я миновал дверной проход из кухни и вошел в столовую.

Тару, вжавшуюся в стену, я не заметил. Я не видел, как она вытянула в проход свою маленькую детскую ножку.

Я споткнулся. Торт вылетел у меня из рук.

Я приземлился прямо на торт. Лицом вниз. Как и было задумано.

Некоторые из ребят ахнули, другие пытались подавить смех.

Я сел, стирая с глаз коричневую глазурь. Первое, что я увидел, была Мона. Она сотрясалась от хохота.

Мама наклонилась и стала бранить меня:

— Весь торт всмятку! Майкл, ну почему ты не смотришь себе под ноги?

Я слушал смех, глядя на мой испорченный торт. Теперь не во что было втыкать свечи. Но для меня это не имело значения: я все равно решил загадать желание.

Я пожелал вернуться к началу своего дня рождения.

Я поднялся весь липкий от шоколадного торта. Мои друзья завывали.

— Вот увалень-то! — прокричала Роза.

И все еще громче засмеялись.

Все они получили огромное удовольствие от моей вечеринки. Абсолютно все.

Кроме меня.

Это был ужасный день рождения, просто отвратительный. Но Тара в своих пакостях была способна и не на такое.

Это случилось за неделю до моего дня рождения. Должны были прийти Мона, Сиси и Рози. У нас у всех были роли в школьной постановке, и мы хотели порепетировать у меня дома.

Это была новая версия сказки «Королевич-лягушка».

Мона играла принцессу, а Сиси и Рози ее глупых сестер.

«Первоклассный подбор актеров», — считал я.

Я играл лягушонка — до поцелуя принцессы, который превращал лягушку в принца. Почему-то наша школьная учительница, которая руководила театром, не хотела, чтобы я играл принца. Эту роль получил Джош.

Я, впрочем, полагал, что роль лягушонка лучше, потому что Мона, принцесса, целует *лягушонка*, а не королевича.

Девочки должны были появиться с минуты на минуту.

Тара сидела на ковре в кабинете, мучая нашего кота, Баббу. Бабба ненавидел Тару почти так же сильно, как я.

Тара поднимала Баббу за задние лапы, пытаясь заставить его сделать стойку на передних. Кот выл, извивался и, наконец, вырвался. Но Тара снова поймала его и заставила стоять на передних лапах опять.

— Прекрати, Тара! — приказал я.

— Почему? — спросила она. — Это забавно.

— Ты делаешь коту больно.

— Ничего подобного. Ему это нравится. Видишь? Он улыбается.

Она отпустила его задние лапы и подхватила одной рукой под передними. Другой рукой она растянула его рот в жалостную улыбку.

Бабба попытался укунить ее, но ему это не удалось.

— Тара, — сказал я, — отпусти кота и уходи: сейчас сюда придут мои друзья.

— Не хочу! — Теперь Тара заставляла Баббу ходить на передних лапах. Он упал и стукнулся носом.

— Тара, прекрати сейчас же! — закричал я.

В тот момент, когда я пытался освободить Баббу, она разжала руки. Бабба мяукнул и оцарапал меня.

— Ой! — Я уронил Баббу, и он сбежал.

— Майкл, что ты делал с котом? — В дверях стояла мама. Бабба проскользнул мимо нее в коридор.

— Ничего! Он поцарапал меня!

— Перестань мучить его, и он не будет царапаться, — выговорила мне мама. Она вышла, бросив через плечо: — Я поднимусь наверх и прилягу: у меня болит голова.

Зазвенел звонок.

— Мы откроем, мам! — отозвался я.

Я знал, что это девочки. Я планировал встретить их в своем лягушачьем костюме, но не успел облачиться.

— Открой дверь, Тара, — сказал я своей сестрице. — Попроси Мону и всех остальных подождать меня в кабинете. Я — мигом.

— Ладно, — согласилась Тара и затрусила к передней двери. А я побежал наверх переодеваться.

Я достал костюм из кладовки, снял штаны и рубашку и попытался расстегнуть молнию на костюме. Она заела.

Стоя в одних трусах, я боролся с молнией, когда, щелкнув, открылась дверь.

— А вот и он, девочки, — услышал я голос Тары. — Он попросил меня привести вас в его комнату.

«Нет! — пронеслось у меня в голове. — *Пожалуйста*, только не это!»

Я боялся поднять глаза. Я знал, какую картину увижу.

Дверь, раскрытая настежь, и я в нижнем белье перед Моной, Сиси, Розы и Тарой!

Я заставил себя посмотреть на них. Картина оказалась еще хуже,

чем я себе представлял.

Они стояли в дверях, глядели на меня и смеялись!

Тара заливалась громче всех. Она хохотала, как испорченная маленькая гиена.

Ну, как вам это? Ужас! Подождите, я еще не все рассказал.

За два дня до этого позорного случая я остался в школе после уроков, чтобы поиграть в баскетбол с Джошем, Генри и другими ребятами, включая Кевина Флауэрс.

Кевин сильный игрок, огромный и плотный. Он раза в два выше меня. Он увлекается баскетболом. «Синие дьяволы» — его любимая команда среди школьных команд. Он даже в школу ходит в их фирменной кепке.

Пока мы кидали мяч в корзину, я отслеживал Тару, слоняющуюся за боковыми линиями, где около стены мы все побросали свои куртки и рюкзаки.

У меня было дурное предчувствие. Оно всегда у меня возникает, когда Тара поблизости.

«Чем это она там занимается? — пытался догадаться я. — Может быть, учительница задержала ее после уроков и теперь она дожидается меня, чтобы пойти домой? Она просто хочет сбить меня с толку, — сказал я себе. — Не надо поддаваться на ее провокации. Не думай о ней. Сконцентрируйся на игре».

Я был в форме. До конца игры я забросил в корзину несколько мячей. Моя команда победила. Мы выиграли и потому, что на нашей стороне играл Кевин Флауэрс.

После игры все заспешили к стене за рюкзаками. Тары не было.

«Забавно, — подумал я. — Наверное, пошла домой без меня».

Я перекинул рюкзак через плечо и попрощался:

— До завтра, ребята.

По залу вдруг разнесся голос Кевина:

— Не двигаться! Все оцепенели.

— Где моя кепка? — вопрошал он. — У меня пропала кепка «Синих дьяволов»!

Я пожал плечами. Откуда я мог знать, куда запропастилась его дурацкая кепка?

— Кто-то ее стащил, — настаивал Кевин. — Никто не уйдет, пока кепка не найдется!

Он схватил рюкзак Генри и стал рыться в нем.

Все знали, что Генри очень нравилась эта кепка.

Вдруг Джош указал на меня.

— Эй, что это там торчит у Вебстера из рюкзака? — спросил он.

— Из моего рюкзака? — закричал я. Я посмотрел через плечо: из кармашка на молнии торчали синие наклейки.

У меня скрутило живот. Кевин приблизился ко мне размашистым шагом и вырвал кепку из рюкзака.

— Я понятия не имею, как она попала туда, Кевин, — оправдывался я. — Клянусь...

Но Кевин не собирался выслушивать мои извинения. Он был не очень-то хорошим слушателем.

Я избавлю вас от описания кровавой бойни. Скажу только, что после того, как Кевин чуть ли не разорвал меня на куски, одежда на мне не очень-то хорошо сидела.

Джош и Генри помогли мне добраться до дома. Мама меня не узнала. Все лицо у меня было перекошено.

Пока я приводил себя в божеский вид в ванной, я поймал в зеркале отражение Тары. Мерзкая ухмылка на ее лице подтвердила все мои подозрения.

— Ты! — вскричал я. — Это ты подсунула кепку Кевина мне в рюкзак! Признавайся!

Тара только усмехнулась в ответ. «Ну да, верно, это ее рук дело».

— Зачем? — спрашивал я. — Зачем ты это сделала, Тара?

Тара пожала плечами и напустила на себя невинный вид.

— А это разве кепка Кевина? — спросила она. — А я думала, что твоя.

— Ты врешь! — вскричал я. — Я никогда не носил кепку

«Дьяволов», и ты прекрасно знаешь об этом! Ты все подстроила нарочно!

Я был в такой ярости, что не мог видеть ее. Я захлопнул дверь прямо перед ее носом.

И конечно, мне тут же досталось за хлопанье дверью.

Теперь-то вы понимаете, с кем мне приходилось жить.

Теперь вы поймете, почему я решился на ужасный поступок.

Любой бы на моем месте сделал то же самое.

Тем вечером в своей комнате я напряженно думал о том, как подставить Тару.

Но ничего не мог придумать. По крайней мере, ничего стоящего.

Потом привезли часы. А через несколько дней Тара сама натолкнула меня на мысль.

Тара не отходила от часов с кукушкой. Однажды папа застал Тару, забавляющуюся с часами. Конечно, ей не влетело *как следует*: взбучка — это не для нашей сладенькой малышки Тары. Но папа все-таки сказал:

— Теперь я буду посматривать за вами, юная леди. Никаких больше игр с часами.

«Наконец-то, — подумал я, — наконец-то папа понял, что Тара отнюдь не ангел. И наконец-то я придумал способ по-настоящему подставить ее».

Теперь если что-нибудь случится с часами, все шишки посыплются на Тару.

И я решил что-нибудь на самом деле *испортить* в часах.

Тара заслуживала хорошего нагоняя за свои бесчисленные кошмарные издевательства надо мной.

«Ну и *что* будет, если наконец ее обвинят в том, чего она не совершала? — подумал я. — Это немножко сравняет счет».

Ночью, когда все уже улеглись, я украдкой спустился в кабинет.

Было около полуночи. Я подкрался к часам и застыл в ожидании. Осталась одна минута. Полминуты. Десять секунд. Шесть, пять, четыре, три, две, одна...

Часы забили:

«Ку-ку! Ку-ку!»

Выпрыгнула желтая птица. Я схватил ее, когда она откуковала половину. Она издала короткие сдавленные звуки.

Я скрутил ее голову назад так, что она стала смотреть себе на спину. Вид у нее был очень смешной. Она откуковала до конца с повернутой головой.

Я смеялся про себя. Когда папа увидит ее, он будет похож на реактивную ракету.

С повернутой шеей кукушка спряталась в свое маленькое окошко.

«Папа будет взбешен при виде ее! — злорадно подумал я. — И вся его ярость обрушится на Тару. Он взорвется, как вулкан. Наконец-то Тара на своей шкуре узнает, что значит, когда тебя обвиняют в том, чего ты не совершал».

Я прокрался обратно наверх. Ни звука. Никто меня не видел.

Я заснул совершенно счастливым. Нет ничего сладостнее мести!

Я встал поздно. Утром мне не терпелось увидеть, как Таре достанется от папы. Хорошо бы не пропустить этот миг.

Я заспешил вниз и заглянул в кабинет.

Дверь была открыта.

Внутри — никого. Никаких намеков, что все открылось.

«Хорошо, — подумал я. — Я ничего не прозевал».

Проголодавшийся, я пошел на кухню. Мама, папа и Тара сидели вокруг стола, заставленного пустой посудой.

Как только они увидели меня, их лица просветлели.

— С днем рождения! — воскликнули они хором.

— Очень смешно, — отрезал я и открыл буфет. — Остались какие-нибудь хлопья?

— Хлопья! — возмутилась мама. — Разве ты не хочешь чего-нибудь особенного, например оладьев?

Я почесал голову:

— Конечно, оладышки — это замечательно!

Это было немного странно. Обычно, если я вставал поздно, мама говорила, чтобы я сам себе готовил завтрак. Да и с какой стати мне предлагают что-то специальное? Мама замесила новую порцию теста.

— И не ходи в гараж, Майкл! Что бы ты ни делал, только не ходи в гараж!

Она подпрыгивала от возбуждения. Как будто снова наступил мой день рождения. Чудно.

— Там куча мусора, — говорила она. — И она дурно пахнет. Так отвратительно, что тебя может стошнить!

— Мам, ну что за история с мусором? — спросил я. — Я и первый раз в нее не поверил.

— Только не ходи в гараж, — повторила она.

Почему она мне это говорила? Почему так странно себя вела?

Папа поднялся из-за стола.

— Мне еще нужно кое-что важное сделать по дому. — Его извинения прозвучали странновато весело.

Я пожал плечами и попытался спокойно позавтракать. После завтрака я прошел через столовую. Кто-то украсил ее бумажными лентами. Одна полоса была сорвана.

Странно. Чрезвычайно странно.

Папа вошел в комнату, держа коробку с инструментами. Он поднял оборванную ленту и начал прилаживать ее снова.

— И почему эта бумага не держится? — спросил он.

— Папа, — сказал я, — зачем ты украшаешь столовую гофрированной бумагой?

Папа заулыбался:

— Конечно, потому, что сегодня твой день рождения! В такой праздник всегда вешают бумажные украшения. Ну, могу поспорить, тебе не терпится взглянуть на подарок, правда?

Я уставился на него.

«Что происходит?» — гадал я.

Родители повели меня в гараж. Тара следовала по пятам. Они все вели себя так, как будто и впрямь собирались вручить мне подарок.

Папа открыл дверь гаража.

Там стоял он. Велосипед.

«Это, наверное, сюрприз, — пришло мне в голову. — Они как-то исхитрились замазать царапину. Или купили мне другой велосипед!»

— Тебе нравится? — спросила мама.

— Это просто чудо! — ответил я.

Тара сказала:

— Классный велосипед, Майкл. Mam, я тоже такой хочу на свой день рождения.

Потом она вскочила на седло. Велосипед свалился на нее. Мама закричала:

— Тара! Ты не ушиблась?

Я глазам своим не верил. Какой-то ночной кошмар!

Все происходило заново. Точно так, как было в мой день рождения.

«Ну, что дальше?»

— Что случилось, Майкл? — обратился ко мне папа. — Тебе не нравится твой велосипед?

Что я на это мог сказать? Я чувствовал себя разбитым и подавленным.

И тут меня осенило.

«Сбылось мое желание, — подумал я. — Мое желание в день рождения».

После того как Тара подставила мне подножку и я грохнулся на торт, я захотел очутиться в прошлом и прожить свой день рождения

снова.

Каким-то образом мое желание исполнилось.

«Ох! — подумал я. — Это что-то запредельное».

— Пойдемте в дом, — предложила мама. — Скоро придут твои друзья на торжество.

Вечеринка?

Только не это!

Пожалуйста, не надо!

Неужели мне действительно придется пройти через весь этот ужас снова?

Да.

Да, мне пришлось пережить весь этот кошмар заново.

Мои друзья прибывали, как и в тот раз.

Я слышал, как Тара произнесла свои ужасные слова: «Эй, Мона, знаешь, а ты нравишься Майклу!»

Мона ответила:

— Правда?

«Ты об этом уже знала, Мона, — подумал я. — Тара сообщила тебе четыре дня назад. Ты стояла на этом самом месте в этом самом розовом комбинезоне».

Мона, Сиси и Роза зашлись от хохота.

Меня охватила паника.

«Это не может так продолжаться», — подумал я.

Вошла мама, неся поднос с содовой. Я схватил ее за руку.

— Мама, — взмолился я, — пожалуйста, забери Тару отсюда. Запри ее в комнате или еще где-нибудь.

— Но почему, Майкл? Твоя сестра тоже хочет повеселиться.

— Мамочка, *пожалуйста!*

— Майкл, но это же глупо. Ты должен по-доброму относиться к Таре. Она не будет вам мешать. Она просто маленькая девочка.

Мама вышла из комнаты, бросив меня на произвол судьбы с Тарой и моими друзьями.

Она не могла спасти меня.

Никто не мог.

Я показал ребятам велосипед. Генри спросил:

— Что это за огромная царапина?

В столовой, куда мы вернулись, все подарки были вскрыты Тарой.

— Смотри, что подарила тебе Мона, Майкл! — прокричала Тара. Да знаю, знаю. Компакт-диск. С классными песнями о любви.

— Я слышала, что на нем записаны классные песни про любовь, — повторила Тара.

Все засмеялись. Все было так же скверно, как и раньше.

Да нет, хуже. Потому что я знал, что последует дальше. И не мог предотвратить этого.

Как бы я смог?

— Майкл, — позвала мама, — пожалуйста, иди на кухню. Пора нести праздничный торт!

«Сейчас проверю, — подумал я, плетясь на кухню. — Я понесу торт, но на этот раз не споткнусь».

Я знаю, Тара попытается подставить мне подножку. А я ей не дам.

На сей раз ей не удастся выставить меня таким дураком.

Никто меня не обязывает, ничто не заставляет меня воспроизводить все свои действия.

Я стоял посреди кухни, разглядывая торт. Я слышал, как в столовой смеялись и разговаривали мои друзья. И Тара тоже.

Я знал, что она в ожидании притаилась за дверью в столовую.

В ожидании момента, когда нужно выставить ногу и подставить мне подножку, чтобы я упал лицом в торт. В ожидании моего очередного унижения.

В этот раз ничего не выйдет.

Я осторожно поднял торт обеими руками и направился в столовую.

Мама следовала за мной, как и в тот раз.

Я остановился перед входом и посмотрел вниз. Тариной ноги не было видно.

Осторожно, ко всему приглядываясь, я ступил в дверной проем. Один шаг.

Пока все хорошо.

Другой шаг. Я вошел в столовую.

Пронесло! Все, теперь нужно только подойти к столу, который был шагах в пяти, — и я спасен!

Я сделал еще один шаг вперед. Другой.

А затем почувствовал, что мою ногу куда-то тянут.

Тара высунулась из-под стола.

Так вот где она пряталась. Теперь я понял. Но было слишком поздно. Все перемещалось замедленно, как во сне.

Я услышал злорадное хихиканье.

Она схватила меня за ногу.

«Нет!» — пронеслось у меня в голове. Но случилось худшее.

Я потерял равновесие.

Падая, я обернулся и взглянул назад.

Тара, ухмыляясь, сидела под столом.

Я хотел убить ее.

Но сначала мне суждено было упасть лицом в торт.

Торт выскользнул у меня из рук, а я повернул голову вниз.

Плюх!

Все покатались со смеху. Я сел и стал вытирать с глаз глазурь.

Мона даже оперлась о стол от смеха. Она заливалась пуще всех.

Второй раз был еще унижительней, чем первый.

Сидя на полу, перемазанный тортом, я размышлял, как же я мог быть таким глупым?

Зачем я только загадал желание?

Никогда не буду ничего желать.

Я умылся и умудрился дожить до конца вечеринки. Когда вечером я ложился в постель, я подумал о том, что, по крайней мере, день рождения закончился.

Я погасил свет и залез с головой под одеяло.

«Все позади, — повторил я себе. — Сейчас я засну, а завтра все встанет на свои места».

Я закрыл глаза и уснул. Но всю ночь напролет мне снились сцены этого безумного дня рождения. Ужасный праздник обернулся и впрямь ночным кошмаром.

Мне снилась Тара, сообщающая Моне о моих чувствах. Непрерывно смеющееся лицо Моны принимало угрожающие размеры. Сиси, Розы и мальчики хохотали мне в лицо.

Я неоднократно спотыкался и падал, уткнувшись в торт лицом.

Всю ночь я метался и ворочался. Каждый отрывок сновидений был еще хуже, чем предыдущий. Вскоре все мои друзья выглядели как монстры, а Тара отвратительнее всех. Ее лицо расплывалось в неясное пятно, а она смеялась и смеялась надо мной.

«Проснись, — приказал я себе. — Проснись!»

Я с трудом отогнал от себя ночной кошмар. В холодном поту я сел на кровати.

В комнате все еще было темно. Я посмотрел на часы.

Три часа утра.

«Я не смогу заснуть. — Я чувствовал себя несчастным. — Я не могу успокоиться. Мне нужно обо всем рассказать родителям. Может быть, они смогут помочь. Мне, наверное, станет легче».

Я выбрался из постели и побежал по темному коридору к их комнате. Дверь была чуть приоткрыта.

Я распахнул ее.

— Мама! Папа! Вы не спите?

Папа перевернулся и проворчал:

— Э-э?

Я потряс маму за плечо:

— Мам!

Мама пошевелилась.

— Что случилось, Майкл? — прошептала она.

Она села и взяла будильник. В дымчатом отблеске его подсветки я видел, как она пытается разобрать, который час.

— Три часа утра! — воскликнула она.

Папа, всхрапнув, неожиданно сел:

— Хм! Что?

— Мама, выслушай меня, пожалуйста, — зашептал я. — Сегодня случилось что-то жуткое. Ты ничего не заметила?

— Майкл, о чем ты говоришь?

— Про свой день рождения, — принялся я объяснять. — Тара испортила мой день рождения, и я захотел заново его прожить. Я хотел, чтобы он был лучше. Но я не думал, что мое желание может исполниться! А сегодня во второй раз наступил мой день рождения! И все в точности повторилось. Это было ужасно!

Папа протер глаза:

— А, это ты, Майкл?

Мама погладила его:

— Досыпай, милый. Майклу просто при снился скверный сон.

— Да нет же, мама! — закричал я. — Это был не сон. Это было на самом деле. Мой день рождения наступал два раза! И ты была там — оба раза! Как ты не можешь понять?

— Послушай, Майкл, — начала мама. Я услышал нетерпение в ее голосе. — Я знаю, что ты возбужден по поводу своего дня рождения, но он будет только через два дня. Всего лишь два дня — и наконец наступит твой день рождения! Понятно? А теперь иди ложись и досыпай.

Она поцеловала меня, пожелала спокойной ночи и сказала:

— Всего лишь два дня до твоего дня рождения. Приятных сновидений!

Я, шатаясь, добрал до постели, мысли путались в голове.

Два дня до моего дня рождения?

Разве я его уже не прожил — дважды?

Я включил ночник и уставился на число на моих часах. Часы показывали третье февраля.

Мой день рождения был пятого февраля. Через два дня.

Как это произошло? Неужели время повернуло вспять?

«Нет, такого не может быть, — решил я. — Я схожу с ума».

Я замотал головой, несколько раз похлопал по себе. «Путешествие назад во времени». Я рассмеялся при этой мысли.

«Это невозможно, — подумал я. — Возьми себя в руки, Майкл!»

Все, что я пожелал — это прожить свой день рождения еще раз — один раз.

Мне вовсе не хотелось отмечать свой двенадцатый день рождения всю оставшуюся жизнь!

Но если именно это и происходит, почему же время сдвинулось на два дня назад? Почему не на канун дня рождения?

«А может быть, время действительно *пошло* назад? — подумал

я. — Возможно, это никак не связано с моим желанием! Но тогда почему это происходит со мной?»

Я напряг мозги.

Часы. Папины часы с кукушкой.

Я повернул голову кукушки назад... пошел спать... а когда проснулся, время пошло вспять.

Может быть, так все и произошло? Значит, я все это сотворил? Неужели папины часы и вправду волшебные?

«Наверное, мне не следовало свертывать шею этой птице», — решил я. Все сходится: я захотел подставить Тару, а в результате сам попал в жуткую передрыгу.

Ну, если это так, то все легко исправить. Сейчас я пойду и поверну голову кукушки обратно.

На цыпочках я вышел из комнаты и спустился вниз. Наверняка мои родители уже заснули, но я не хотел испытывать судьбу.

Определенно мне не хотелось, чтобы папа застал меня болтающимся возле его драгоценных часов.

Ноги ощущали холодный непокрытый пол прихожей. Я прокрался в кабинет, включил свет и огляделся вокруг.

Часы с кукушкой исчезли!

— Нет! — вскричал я.

«Неужели часы украли? А без часов как же я могу все исправить? Как же я поверну птице голову, чтобы моя жизнь опять текла вперед?»

Я взлетел по ступенькам вверх. Теперь меня не волновало, разбужу ли я кого-нибудь.

— Мама! Папа! — завопил я. Я ворвался к ним в комнату и затряс маму, чтобы она проснулась.

— Майкл, что стряслось? — В голосе слышалось негодование. — Середина ночи. Мы все-таки хотим поспать.

«Пусть себе сердятся, — подумал я. — Есть проблемы посущественнее».

Часы с кукушкой! Они исчезли! Папа перевернулся:

— Что? Э-э?

— Майкл, тебе снова приснилось что-то страшное, — попыталась убедить меня мама.

— Это не ночной кошмар, мама, это — правда! Спустишься вниз и увидишь сама! В кабинете больше нет часов с кукушкой!

— Майкл, послушай меня, это был сон, — сказала мама твердо. — У нас нет часов с кукушкой. И никогда не было.

Я отшатнулся.

— Это просто сон. Плохой сон, — сказала она.

— Но папа купил их...

Я замолчал. Я понял.

Ведь было третье февраля. Все происходило за два дня до моего дня рождения. И за пять дней до того, как папа купил часы с кукушкой.

Мы путешествовали назад во времени. И папа еще не купил эти

часы.

Мне стало дурно.

Мама спросила:

— Майкл, с тобой все в порядке?

Она выбралась из кровати и пощупала мой лоб.

— Лоб у тебя немного горячий, — сказала она гораздо мягче, потому что решила, что я заболел. — Идем, сейчас мы уложим тебя в кровать. Думаю, что ты простудился, поэтому тебе и снятся кошмары.

Папа снова невнятно пробормотал:

— Что? Заболел?

— Я сама этим займусь, Герман, — прошептала мама. — Спи.

Она довела меня до постели. Решила, что я заболел. Но я-то знал, что произошло.

Я заставил время двигаться назад. И часы исчезли. Как же я теперь все исправлю?

Когда на следующее утро я вошел на кухню, мама, папа и Тара уже позавтракали.

— Поторапливайся, Майкл, — сказал папа, — а то опоздаешь.

Но никакая школа меня сейчас не волновала.

— Папа, пожалуйста, сядь на минутку, — попросил я. — Всего на минутку. Это важно.

Папа нетерпеливо присел на край стула:

— Ну, что у тебя стряслось, Майкл?

Мам, ты слушаешь? — спросил я.

— Конечно, дорогой, — ответила мама. Она поставила молоко в холодильник и суетливо вытирала стойку.

— Это прозвучит странно, — начал я, — но я не шучу.

Я сделал паузу. Папа сидел в ожидании. Я видел по его напряженному лицу, что он предполагает, что я выдумаю что-нибудь совершенно несуразное.

И я не разочаровал его.

— Папа, время повернулось вспять. Каждый день я просыпаюсь и обнаруживаю, что это предшествующий день!

Папа потупил голову:

— Майкл, у тебя прекрасно развито воображение, но я действительно опаздываю. Давай обсудим это позже, когда я вернусь с работы. Или почему бы тебе не написать об этом? Ты же знаешь, я обожаю читать сказки.

— Но, пап...

Вмешалась мама:

— Кто-нибудь накормил кота?

— Я накормила его, — заявила Тара. — Хотя и предполагается,

что это обязанность *Майкла*.

— Спасибо, Тара, — сказала мама. — Давайте все будем поступать правильно.

Я только и успел схватить оладышек, как мама вытолкнула нас за дверь.

«Они сейчас слишком заняты, чтобы понять, — уверял я себя по дороге в школу. — Вечером, за обедом, когда у меня будет больше времени, чтобы объяснить...»

У меня была масса времени в школе, чтобы все обдумать. Я этот день уже однажды прожил. Я уже выполнял всю работу, слушал все объяснения, ел отвратительный ленч.

Когда наш учитель по математике, мистер Паркер, повернулся спиной к классу, я знал, что произойдет. Я предсказывал с точностью до секунды. Кевин Флауэрс кинул ластик и попал прямо по его заднице в черных штанах.

«Сейчас мистер Паркер повернется...» — комментировал я про себя, наблюдая за мистером Паркером.

Он повернулся, «...и накричит на Кевина...»

Мистер Паркер крикнул:

— Кевин Флауэрс, к директору, немедленно!

«...теперь Кевин начнет надрывать горло...»

— С чего вы взяли, что это я? — вопил Кевин. — Вы не видели, что я это сделал!

Дальше действие развивалось так, как я вспоминал. Мистер Паркер слегка съежился (Кевин был все-таки довольно массивный), но вновь приказал Кевину отправляться к директору. Кевин отшвырнул ногой пустой стул, кинул учебники через весь класс.

Все это было так утомительно.

После школы я застал Тару в кабинете, мучающей Баббу. Она подняла его за задние лапы, заставляя ходить на передних.

— Тара, прекрати! — прокричал я и попытался отнять Баббу. Она разжала руки. Баба мяукнул и царапнул меня по руке.

— Ой! — Я выронил Баббу, и он сбежал.

Все было знакомо до боли.

— Майкл, что ты делаешь с котом? — потребовала объяснений мама.

— Ничего! Он оцарапал меня!

— Прекрати мучать кота, и он не будет тебя царапать, — отчитывала меня мама.

Раздался дверной звонок.

О, нет!

Мона, Сиси и Роза. «Королевич-лягушка». В исподнем.

Я не должен допустить повторения этого.

Но ноги уже несли меня вверх. Как робот, я шел к себе в комнату.

«Почему я это делаю?» — спрашивал я сам себя.

Сейчас я достану свой костюм лягушонка. Молния заест.

Тара откроет дверь, а я буду стоять в одних трусах.

Мона зайдет от смеха. Мне захочется провалиться сквозь землю.

Я знаю, что все это случится.

Так почему я делаю это?

Могу ли я себя остановить?

«Не ходи наверх, — уговаривал я себя. — Не ходи к себе в комнату».

Ты не *обязан* делать это.

Должен же быть способ предотвратить, проконтролировать развитие событий.

Я заставил себя повернуться и спустился по лестнице, усевшись на третьей ступеньке.

Тара открыла дверь, и вскоре девочки стояли передо мной в прихожей.

«Хорошо, — подумал я. — Я контролирую ситуацию. События уже начали развиваться по-другому».

— Майкл, где твой костюм? — спросила Мона. — Я хочу увидеть, как он выглядит.

— Э-э, не стоит, — уклончиво сказал я. — Он до того страшен, что я не стану пугать девочек...

— Не будь врединой, Майкл, — сказала Сиси. — Почему это нас должен испугать какой-то лягушачий костюм?

— Да и в любом случае мне надо отрепетировать с тобой в костюме, — добавила Мона. — Я не собираюсь ждать до спектакля. Я должна к нему привыкнуть. Попробовать играть с лягушкой: с тобой в костюме.

— Давай, Майкл, — вставила Тара. — Покажи им костюм. Я тоже хочу его увидеть.

Я метнул на нее недобрый взгляд. Я знал, что у нее на уме.

— Нет, — гнул я свое. — Я не могу.

— Но почему? — требовательно спросила Мона.

— Просто не могу.

— Какой застенчивый! — воскликнула Роза.

Он стесняется! — добавила Тара.

— Да не в этом дело, — сказал я. — В нем... в этом костюме страшно жарко и...

Мона наклонилась ко мне. Я почувствовал сладкий запах, как пахнет клубника. Наверное, это запах шампуня, которым она пользовалась.

— Давай, Майкл, — сказала она. — Для меня!

— Нет.

Она топнула ножкой:

— Я не буду репетировать, пока ты не наденешь костюм.

Я вздохнул. У меня не оставалось другого выхода. Мона от меня не отстанет, пока я не надену этот лягушачий костюм. Я сдался:

— Ладно.

— Ура! — закричала Тара.

Я опять кинул на нее угрожающий взгляд.

«Ну, хорошо, — решил я. — Я могу надеть костюм. Но это не означает, что девочки должны увидеть меня в нижнем белье».

Я все еще могу это предотвратить.

Я поплелся к себе в комнату. Но на сей раз я запер дверь.

«Ну, теперь попробуй-ка смутить меня, Тара, — подумал я. — Ты не сможешь переплюнуть Майкла Вебстера. Никоим образом».

Дверь была на замке. Я чувствовал себя в безопасности.

Я стянул джинсы и рубашку и вытащил из кладовки лягушачий костюм.

Я потянул за молнию. Ее заело. Так же, как прошлый раз.

«Но на этот раз все будет в порядке, — подбодрил я себя. — Я смог уединиться, а дверь заперта».

А затем дверь распахнулась.

Беспомощный, я стоял в одних трусах, а Мона, Роза и Сиси глазели на меня. Потом они взвизгнули и стали смеяться.

— Тара! — завопил я. — Дверь была заперта!

— Нет, не заперта, — ответила она. — Ты забыл, замок ведь сломан!

— Нет, — закричал я. — Папа починил его... починил его...

Я попытался вспомнить, когда папа чинил замок в моей спальне. А, конечно. Это было после сегодняшнего позора. В мой день рождения.

Таким образом, это еще не произошло.

Как я могу все упомянуть?

«О, нет, — пронеслось у меня в голове, — я обречен».

Все время перемешалось. И я никак не могу остановить этот кошмар.

Меня стало трясти. Происходящее было устрашающе.

Когда это кончится? Я не знал. И с каждой минутой мне становилось все более жутко.

Я с трудом мог заставить себя есть за обедом тем вечером. Я его уже ел прежде, и он мне не понравился. Горох, морковь и грибы. Вместе с бурым рисом.

Я выбирал рис и морковь. Я терпеть не могу горох. Когда родители отворачивались, я отправлял его на салфетку.

Я смотрел, как мама, папа и Тара поглощали обед, как будто ничего странного не произошло. Они спокойно сидели вокруг стола, ведя тот же разговор, что уже был прежде.

«Но должны же родители заметить, что что-то не так, — думал я. — Должны. Но тогда почему они ничего не говорят об этом?»

Я дождался, когда папа расскажет о своем рабочем дне, и снова вернулся к утреннему разговору. Но решил начать издалека.

— Мама! Папа! Вам не кажется, что мы как будто уже ели такой обед?

— Я бы сказал, что он напоминает мне ленч в вегетарианском ресторане, в котором мы были в прошлом месяце. Угу.

Мама посмотрела на него, потом перевела взгляд на меня.

— Что ты этим хочешь сказать, Майкл? — спросила она ледяным тоном. — Ты устал от здоровой пищи?

— Я — да, — сказал папа.

— И я тоже, — встряла Тара.

— Да нет, — продолжал я, — я совсем о другом. Ты не поняла. Я не имел в виду, что мы ели что-то похожее. Я хотел сказать, что мы уже ели раньше *эту самую еду*. Мы едим ее во второй раз.

Папа нахмурился:

— Пожалуйста, никаких чудных теорий за обедом, Майкл.

Они не понимали. Я решил попытаться объяснить:

— Это касается не только обеда, а всего дня. Разве вы не замечаете? Мы проделываем все снова! Время идет назад!

— Заткнись, Майкл, — сказала Тара. — Это утомительно. Может, мы поговорим еще о чем-либо?

— Тара, — назидательно сказала мама, — не говори «заткнись». — Она повернулась ко мне: — Ты опять начитался комиксов?

Я был опустошен.

— Вы не слушаете меня! — вскричал я. — Завтра наступит вчера, а послезавтра — позавчера! Все идет назад!

Мама и папа переглянулись. Как будто у них был общий секрет.

«Они наверняка знали о чем-то, — подумал я в возбуждении. — Им известно что-то такое, о чем они боятся мне рассказать».

Мама посмотрела на меня очень серьезно:

— Ну, хорошо, Майкл, мы можем и тебе это сказать, мы все во власти времени, и с этим ничего не поделаешь.

Мама отодвинула стул от стола и попятилась к плите. Она перекладывала рис из своей тарелки в кастрюльку на плите.

— Йогород, асир еще? — обратилась она к папе.

— Обисапс, ад, э-э? — ответил папа.

— Ежот енем, — сказала Тара. Она выплюнула рис на вилку и сбросила его обратно в тарелку. Она ела в обратном порядке!

Папа встал и попятился к маме. Потом Тара запрыгала вокруг стола задом наперед.

Все они говорили и действовали наоборот.

Мы действительно *были* во власти времени.

— Эй! — крикнул я. — Это правда!

А почему же я тоже не говорил в обратном порядке?

— Тоиди, — сказала Тара. Сначала она упала. Потом засмеялся папа, а затем мама.

До меня наконец дошло. Это был розыгрыш.

— Вы... вы все *ужасны*! — закричал я.

Это лишь еще больше их развеселило.

— А я все прикидывала, когда ты догадаешься, — насмешливо сказала Тара.

Они вновь расселись вокруг стола. Мама не могла сдержать улыбку:

— Прости нас, Майкл. Мы не хотели насмехаться над тобой.

— Нет, хотели! — воскликнула Тара.

Я в ужасе смотрел на них.

Страшнее в жизни у меня ничего не было. А мои родители расценивали это как удачную шутку.

Наконец папа спросил:

— Майкл, ты когда-нибудь слышал о déjà vu?^[1]

Я отрицательно помотал головой.

— Это когда с тобой что-нибудь случается, а у тебя такое чувство, будто все уже происходило раньше, — объяснил он. — Все когда-нибудь испытывают такое чувство. Здесь нечего пугаться.

— Может быть, ты беспокоишься о чем-то, — добавила мама. — Например, о грядущем дне рождения. Держу пари, что ты немного нервничаешь по поводу своего двенадцатилетия, ведь правда? О вечеринке и прочем?

— Вовсе нет, — запротестовал я. — Я знаю это чувство. Но сейчас все не так! Сейчас...

— Послушай, Майкл, — прервал меня папа. — Подожди, вот увидишь, что я приготовил тебе в подарок. Ты рухнешь! Это такой сюрприз!

«Нет, уже нет, — с горечью подумал я. — Это совсем не сюрприз. Вы дарили мне этот подарок уже дважды. И впредь сколько раз вы собираетесь дарить этот несчастный велосипед?»

— Мам, а Майкл опять прячет горошины в салфетку, — донесла Тара.

Я скомкал салфетку с горошинами и бросил ей в лицо.

Отправляясь на следующее утро в школу, я не был уверен в том, какой наступил день. Все труднее было отслеживать ход времени. Занятия, ленч, болтовня друзей — все это казалось знакомым. Но ничего необычного не происходило. Это мог быть любой день учебного года.

В тот день, как всегда, я играл в баскетбол после занятий. Пока шла игра, у меня появилось странное чувство.

Нехорошее предчувствие.

«Эта игра уже состоялась, — осознал я. — И закончилась она скверно».

Но я продолжал играть, ожидая, что же случится.

Моя команда победила. Мы собирали вещи, когда Кевин Флауэрс завопил:

— Куда девалась моя кепка «Синих дьяволов»?

О, да, я вспомнил.

Это была *та самая* баскетбольная игра. Как же я мог забыть?

Добрая старушка Тара! Она снова все подстроила!

— Никто не уходит, пока не найдется моя кепка!

Закрыв глаза, я протянул рюкзак. Я знал, что последует. А ведь мог бы предотвратить!

Превратившись в месиво после ударов Кевина Флауэрсa, я испытывал острое чувство боли. Хорошо, что оно продолжалось недолго.

Проснувшись на следующее утро, я ощутил, что боль ушла. Боль, ссадины, синяки — все исчезло.

«Какой же сегодня день? — пытался определить я. — Наверное, это один из предшествующих битью дней».

Я надеялся, что мне не придется переживать это побоище в третий раз. По дороге в школу я пытался найти какие-нибудь подсказки. Я старался вспомнить, что происходило за день-два до того, как Кевин избил меня.

Тест по математике? Может быть. Я надеялся, что нет. Хотя в этот раз мне должно быть легче: ведь я мог вспомнить задачи и посмотреть в ответы еще до теста!

Я немного опаздывал сегодня.

«Означает ли это что-либо? — размышлял я. — Не приключится ли со мной беда?»

Мой куратор мисс Якобсон уже закрыла дверь класса. Я открыл ее. Класс был полон.

Когда я вошел, мисс Якобсон не подняла головы.

«Наверное, я не сильно опоздал, — решил я. — Может быть, и пронесет».

Я отправился на последнюю парту, за которой сидел обычно. На ходу я оглядывал лица учеников.

«Кто этот парень?» — недоумевал я, посмотрев на круглолицего, светловолосого мальчика, которого я никогда раньше не видел.

Потом я заметил хорошенькую девочку с пшеничными прядями и тремя сережками в ушах. Я и ее никогда не видел.

Я переводил взгляд с лица на лицо. Ни одно из них не казалось знакомым.

«Что происходит? — гадал я, чувствуя, как перехватывает горло. — Я не знаю *никого* из этих ребят! Где мой класс?»

Мисс Якобсон наконец повернулась и заметила меня.

— Эй! — выкрикнул светленький паренек. — Что здесь делает третьеклассник?

Все засмеялись, а я не мог понять почему. Третьеклассник? О ком он говорит? Я не видел ни одного третьеклассника.

— Вы зашли в чужой класс, молодой человек, — сказала мне мисс Якобсон.

Она открыла дверь, показав мне на выход.

— Я полагаю, что твой класс ниже — на втором этаже, — добавила она.

— Спасибо, — поблагодарил я. Я понятия не имел, о чем она толкует. Но я решил ее послушаться.

Она закрыла за мной дверь. Слышно было, как смеются ученики в классе. Я побежал по коридору в мужской туалет. Решил умыться холодной водой, думая, что это приведет меня в чувство. Открыв кран холодной воды, я мельком посмотрел на себя в зеркало. Мне показалось, что зеркало висело чуть выше, чем прежде. Я вымыл руки в холодной воде и плеснул себе на лицо. Раковина тоже, казалось, была выше. Как странно.

Может, я зашел в другую школу?

Я снова посмотрел на себя в зеркало — и меня словно током пронзило.

Неужели это был я?

Я выглядел совсем юным.

Я провел рукой по своим коротким жестким каштановым волосам. Так и есть: тот самый идиотский «ежик», под который меня стригли в третьем классе.

«Это невозможно, — думал я, мотая головой. — Я стал опять третьеклассником!»

Прическа, которую я носил в третьем классе. Одежда того времени. Тело третьеклассника.

И при этом мозги семиклассника. По крайней мере, я так думал.
Третий класс.

Это значит, что за одну ночь я пронесся начетыре года назад.

Меня стало трясти. Я обхватил раковину, чтобы унять дрожь.

От страха меня внезапно парализовало.

События ускоряются. Теперь за одну ночь я сбрасывал несколько лет!

«А сколько же мне будет, когда я проснусь завтра?» — задал я себе вопрос.

Время текло назад все быстрее и быстрее, а я все еще не мог найти способ остановить его!

Я выключил воду и вытер лицо бумажным полотенцем. Я не знал, что делать. От ужаса, охватившего меня, я не мог сосредоточиться.

Я пошел обратно — в свой третий класс.

Сначала я решил заглянуть через стекло в двери. Так и есть: миссис Харрис — наша учительница в третьем классе. Во всяком случае, узнал шапку ее седых волос. До меня дошло, что я на самом деле *очутился* во времени четырехлетней давности.

Потому что в противном случае миссис Харрис не могло быть в школе: она уволилась два года назад. Я был тогда в пятом классе.

Открыв дверь, я вошел в класс.

Миссис Харрис даже глазом не моргнула.

— Садись за парту, Майкл, — скомандовала она. Она никогда не обращала внимания на мои опоздания. Миссис Харрис всегда хорошо ко мне относилась.

Я оглядел ребят из класса. Вот они: Генри, Джош, Сиси, Мона — все стали третьеклассниками.

Мона заплетала свои каштановые волосы в две косички. Сиси завязывала дурацкий хвост боку. А у Джоша не было прыщей на лбу. На тыльной стороне руки Генри красовалась наклейка — Донателло

из «Черепашек Ниндзя», мультика для подростков.

Да, это был действительно мой класс.

Я уселся за свободной партой в конце класса. Моя старая парта. Рядом с Генри.

Я посмотрел на него — он ковырял в носу.

— Майкл, мы на тридцать третьей странице учебника по орфографии, — сообщила мне миссис Харрис.

Я залез в парту, достал учебник и открыл его на тридцать третьей странице.

— Эти слова вы должны выучить к завтрашнему словарному тесту, — объявила миссис Харрис. Она написала их на доске, хотя они были в учебнике: «Вкус, чувство, бабушка, легко, счастье».

— Старина, — прошептал мне Генри, — это трудные слова. Смотри, сколько букв в слове «бабушка»!

Я не знал, что сказать ему. На последнем словарном диктанте (когда я еще был семиклассником) мне пришлось писать слово «искусство». Поэтому слово «бабушка» уже не было для меня сложным.

Я сильно устал в тот день. Мне всегда хотелось, чтобы в школе было полегче учиться, но не до *такой* же степени! Занятия были такими детскими и утомительными.

Ленч и перемены были еще хуже. Джош жевал банан и показывал мне язык. Генри измазал себе лицо шоколадным пудингом.

Наконец занятия закончились, и я — маленький третьеклассник — поплелся домой.

Когда я открыл дверь, в ушах у меня зазвенело от истошного визга. Бабба, еще котенок, прошмыгнув мимо, вылетел в дверь. За ним ковыляла Тара.

— Не мучай кота, — отругал я ее.

— Дурак, — ответила она.

Я уставился на Тару. Ей было три года. Я пытался вспомнить, лучше ли я к ней относился, когда ей было три.

— Покатай меня на закорках! — закричала она, повиснув на моем рюкзаке.

— Отстань, — сказал я.

Рюкзак упал на пол. Я нагнулся, чтобы поднять его. Она тут же вцепилась мне в волосы и дернула изо всех сил.

— Ой! — вскрикнул я.

А она зашлась от хохота.

— Мне больно! — завопил я и отпихнул ее как раз в тот момент, когда мама появилась в прихожей.

Она стала на сторону Тары:

— Майкл, не толкай свою сестру. Она всего лишь маленькая девочка!

Я пронесся в свою комнату и стал размышлять.

Нет, я не любил Тару и когда ей было три. Она всегда была маленькой гадкой девчонкой.

Такой она родилась, такой и вырастет, я знал это наверняка. Всю оставшуюся жизнь эта гадина будет сводить меня с ума, даже когда мы состаримся.

«Если мы когда-нибудь состаримся. — От этой мысли меня передернуло. — Это *никогда* не произойдет при таком положении вещей. Что же мне сделать? — с беспокойством думал я. — Я проскочил назад во времени четыре года! Если я быстро что-либо не предприму, я превращусь в младенца. А что потом?»

По спине пробежал холодок.

«А что потом? — спросил я себя. — Неужели я *совсем* исчезну?»

Каждое утро я просыпался в панике. Который наступил день? Который год? Я не знал.

Выбравшись из кровати — она оказалась гораздо выше над полом, чем прежде, — я зашлепал к ванной.

Я уставился в зеркало. Сколько мне лет? Во всяком случае, меньше, чем вчера.

Я вернулся в комнату и стал одеваться. Мама повесила мою одежду на спинку стула. Рассматривая джинсы, которые она приготовила, я обнаружил картинку с ковбоем на заднем кармане.

Ах, да, вспомнил. *Эти* джинсы. Эти техасы. Второй класс. Это означало, что мне семь лет.

Я просунул ноги в штанины, сам себе не веря, что мне опять придется ходить в этих дурацких джинсах.

Потом я развернул рубашку, которую мама достала для меня. Сердце мое упало: ковбойка—с бахромой и прочей чепухой.

«В ней стыдно ходить, — подумал я. — И как я только мог позволить маме надевать ее на меня?»

В глубоком унынии я тем не менее осознавал, что раньше мне нравилась эта одежда.

Я, наверное, сам выбирал ее. Но трудно было признаться, что я был таким глупым.

Внизу Тара, все еще в пижаме, смотрела мультфильмы. Ей было два.

Когда я проходил через гостиную, она протянула ко мне ручки и воскликнула:

— Целуй! Целуй!

Неужели она хотела, чтобы я ее поцеловал? Это было не похоже на Тару.

Может быть, двухлетняя Тара была еще ласковой и

простодушной? Наверное, в два года Тару можно было любить.

— Целуй! Целуй! — просила она.

— Поцелуй бедную Тару, — отозвалась мама из кухни. — Ты ведь ее старший брат, Майкл. Она берет с тебя пример.

Я вздохнул:

— Ладно.

Я нагнулся, чтобы поцеловать Тару в щеку. Своим пухлым указательным пальчиком она ткнула мне в глаз.

— Ой! — завопил я.

Тара засмеялась.

«Все та же несносная Тара», — думал я, пока, спотыкаясь, шел на кухню, одной рукой держась за больной глаз.

Она родилась скверной!

На этот раз я знал, в какой класс мне идти.

Все мои друзья сидели там: Мона и остальные, — все младше, чем прежде. Я уже забыл, какой у нас всех был дурацкий вид, когда мы были маленькими.

Я отсидел еще один скучный день, изучая всю ту чепуху, которую я уже проходил. Вычитание. Чтение по книгам с огромными буквами. Прописывание заглавной буквы «Л».

Единственное, что утешало — было время подумать. Каждый день я пытался вычислить, как мне следует поступить. Но я никак не мог найти ответа.

И вдруг вспомнил, как папа рассказывал о том, что он пятнадцать лет присматривался к часам с кукушкой.

Пятнадцать лет! Это же все решает! Часы должны находиться в антикварной лавке!

«Там я смогу их найти», — решил я. Я не мог дождаться конца занятий.

Я считал, что, если удастся повернуть кукушке голову, время опять пойдет вперед. Я знал, что цифры, обозначающие годы, должны были также сместиться за это время назад. Мне следовало только перевести стрелку на нужный год, и мне опять станет

двенадцать лет.

Я так страдал по своему двенадцатилетнему возрасту. У ребенка в семь лет не так-то много свободы. За ним постоянно кто-нибудь приглядывает.

После школы я направился вдоль квартала домой. Я знал, что охранники провожают меня глазами, чтобы убедиться, что я в целости и сохранности возвратился из школы.

Но, дойдя до второго квартала, я резко свернул за угол к автобусной остановке. Я спрятался за деревом, чтобы меня не заметили.

Через несколько минут подкатил автобус, дверцы с шипением распахнулись, и я вошел.

Водитель автобуса странно на меня взглянул.

— Не слишком ли ты мал, чтобы путешествовать одному? — спросил он меня.

— Не лезьте не в свое дело, — ответил я.

Вид у него был такой удивленный, что я поспешил добавить:

— Я встречаюсь с папой у него в конторе. Мама разрешила.

Он кивнул и закрыл двери.

Я начал опускать в кассу три монеты по двадцать пять центов, но водитель остановил меня на двух.

— Хватит, дружище, — сказал он, прижимая третью монетку к моей ладони. — Проезд стоит всего пятьдесят центов. Оставь монету — сможешь позвонить.

— Да, конечно.

Я позабыл. Цены на проезд поднялись до 75 центов, когда мне было одиннадцать. А сейчас мне только семь. Я опустил монету в карман.

Автобус отъехал от остановки и с фырчанием двинулся к центру.

Я помнил, по словам папы, что антикварная лавка Энтони находится напротив его конторы. Доехав до папиной работы, я вылез из автобуса.

Я надеялся, что не наткнусь на папу: иначе у меня возникнут

большие неприятности.

В семь лет мне еще не позволяли самому ездить на автобусе.

Я поспешно миновал здание, где работал папа, и пересек улицу. На углу находилось что-то похожее на строительный участок: нагромождение кирпичей и булыжников. Дальше по улице я увидел черную вывеску, на которой золотыми буквами было выведено: «АНТИКВАРНАЯ ЛАВКА ЭНТОНИ».

Сердце мое застучало.

«Я почти у цели, — подумал я. — Скоро все станет на свои места».

Я просто зайду в магазин и найду часы. А когда никто не будет смотреть, разверну голову кукушки и переставлю год.

Я не хотел осложнять себе жизнь, появившись здесь на следующий день трехлетним. Моя жизнь вернется в свою колею.

«Как же будет легко жить, — сказал я себе, — когда время будет идти вперед, как это предопределено мирозданием. Даже *вместе* с Тарой!»

Я заглянул в магазин сквозь зеркальное окно. Они стояли там, прямо напротив окна. Часы. Я был так возбужден, что у меня вспотели ладони.

Поспешно подойдя к магазину, я повернул ручку двери.

Она не поддавалась. Я нажал сильнее.

Дверь была заперта.

Затем я заметил табличку, приклеенную к нижнему углу двери.

Она гласила: «ЗАКРЫТО НА ВРЕМЯ ОТПУСКА».

Из меня вырвался разочарованный стон.

— Не-е-ет! — завопил я. На глаза навернулись слезы. — Нет! После всего этого!

Я ударил головой о дверь. Этого я не в силах был пережить.

«Закрыто на время отпуска».

«Почему мне так не везет? И как долго Энтони собирался отдыхать? — строил я догадки. — На какой срок будет закрыт магазин? Ведь когда он откроется, я, возможно, стану грудным младенцем!»

Я сжал зубы и решил, что помешаю этому во что бы то ни стало.

Я должен что-нибудь предпринять. *Что-нибудь.*

Я прижался носом к окну. Часы с кукушкой стояли там, всего в полуметре от меня. А я не мог до них добраться.

Нас разделяло окно.

Окно...

Я решился. Конечно, в своей обычной жизни у меня и мысли бы такой не возникло.

Но я был в отчаянии. Я должен был добраться до часов. Это на самом деле был вопрос жизни и смерти!

Прогулочным шагом, чтобы не привлекать к себе внимания, я направился обратно к строительной площадке. Я старался, чтобы никто не заподозрил во мне паренька, задумавшего разбить окно.

Сунув руки в карманы своих ковбойских штанов, я шел, посвистывая. Я даже был благодарен судьбе, что на мне такой дурацкий ковбойский прикид. Это придавало мне невинный вид.

Кто может ожидать от семилетнего мальчугана в ковбойском костюме, что он разобьет окно антикварного магазина?

Дойдя до площадки, я несколько раз наподдал ногой по комкам

грязи и камушкам. Казалось, там никто не работал.

Медленно я проделал путь до груды кирпичей и огляделся.

Поблизости никого не было.

Подняв кирпич, я взвесил его на руке. Он был очень тяжелым. С силой второклассника я не смогу забросить его далеко.

Но мне не придется кидать его вдаль, мне всего лишь надо швырнуть им в окно.

Оказалось, что он слишком большой, чтобы поместиться в кармане джинсов, поэтому мне пришлось тащить его к магазину в руках.

Я старался держаться естественно, как будто не было ничего особенного в том, что семилетний мальчик идет по улице с кирпичом в руках.

Мне встретилось несколько торопившихся взрослых. Ни один из них даже не взглянул в мою сторону.

С кирпичом на весу я стоял перед блестящим зеркальным окном и раздумывал, сработает ли сигнализация, когда окно разобьется.

Должны ли меня арестовать?

А может быть, это уже не будет иметь значения: если я верну время к настоящему, то уклонюсь от встречи с полицией.

«Ну, смелее, — сказал я себе. — Действуй!»

Я завел обе руки с кирпичом за голову... когда кто-то за спиной схватил меня.

— Помогите! — закричал я и развернулся.

Папа!

— Майкл, что это ты здесь делаешь? — призвал меня к ответу папа. — Ты один?

Я выпустил кирпич, и он упал на тротуар. Кажется, он его не заметил.

— Я... я хотел устроить тебе сюрприз, — соврал я. — Я захотел навестить тебя после школы.

Он уставился на меня в недоумении. Я решил перестраховаться:

— Я по тебе соскучился, папочка!

Он улыбнулся:

Соскучился?

— Он был тронут, это было очевидно.

— А как ты сюда добрался? — спросил он. — На автобусе?

Я кивнул.

— Но ты же знаешь, что тебе не разрешают ездить на автобусе одному, — сказал он. Впрочем, он не сердился. Я знал, чем его можно задобрить — сказать, что скучаю по нему.

Однако главная проблема — добраться до часов с кукушкой — так и оставалась нерешенной. Может быть, папа смог бы помочь? Стал бы он помогать? У меня не было времени на раздумья.

— Папа, — сказал я — эти часы...

— Правда, красота? Уже много лет я восхищаюсь ими.

— Пап, мне нужно подойти к часам, — настаивал я. — Это очень-очень важно. Ты не знаешь, когда магазин снова откроется? Мы должны как-то добраться до часов!

Папа неправильно меня понял. Потрепав меня по голове, он

сказал:

— Я знаю, что ты испытываешь, Майкл. Я бы е отказался приобрести их прямо сейчас. Но ока не могу себе это позволить. Может, со ремнем...

Он повел меня прочь от магазина:

— Ну, давай поедem домой. Интересно, что у нс на ужин сегодня?

Пока мы ехали на машине домой, я не произнес ни слова. Все, на что я был способен — думать о часах и о том, что со мной будет дальше.

«Каким я проснусь завтра? — гадал я. — Совсем маленьким?»

Открыв наутро глаза, я увидел, что все переменялось. Стены были покрашены в нежно-голубой цвет. Покрывало на кровати и занавески были из одного материала, на котором были изображены прыгающие кенгуру. На одной стене висела вышитая картина с изображением коровы. Комната была не моя, но выглядела знакомой.

Нащупав под покрывалом с кенгуру бугор, я вытащил оттуда Гарольда — своего старого мишку. Медленно я начинал понимать. Я был в своей прежней комнате.

Как я мог попасть туда снова? Это ведь теперь комната Тары.

Я выпрыгнул из кровати. На мне была детская пижама с изображениями героев из мультика про Смэрфа, я их, клянусь, всегда терпеть не мог.

Я побежал в ванную к зеркалу. Сколько мне сейчас лет? Я не мог сказать: мне пришлось вскарабкаться на крышку унитаза, чтобы увидеть свое лицо. Плохо.

«Господи, да я выгляжу как пятилетний!»

Я соскочил с сиденья и бросился вниз по лестнице.

— Привет, Микки, — сказала мама, стискивая меня в объятиях и горячо целуя.

— Привет, мамочка, — ответил я.

Я удивился звуку собственного младенческого голоса.

Папа сидел на кухне и пил кофе. Он поставил кружку и протянул ко мне руки.

— Иди поцелуй своего папочку, пожелай ему доброго утра! — сказал он.

Вздохнув, я заставил себя побежать в его объятия и чмокнуть в щеку. Я и забыл, с какими глупостями постоянно приходится сталкиваться малышам.

Я выбежал из кухни, быстро семеня своими маленькими

ножками пятилетнего ребенка, пробежал по гостиной, кабинету и вернулся на кухню. Чего-то не хватало.

Нет, *кого-то* не хватало. Тары.

— Угомонись на минутку, милый, — сказала мама, поднимая меня и усаживая на стул. — Съешь немного хлопьев?

— А где Тара? — требовательно спросил я.

— Кто? — переспросила мама.

— Тара, — повторил я.

Мама вопросительно посмотрела на папу. Папа пожал плечами.

— Вы же знаете, — настаивал я, — моя маленькая сестра.

Мама улыбнулась.

— А, Тара. — Казалось, она наконец поняла суть.

Она посмотрела на папу и одними губами сказала:

— Невидимый друг.

— Э-э!.. — громко спросил папа. — У него есть друг-невидимка?

Мама нахмурилась и дала мне ложку с хлопьями:

— И как выглядит твоя подружка Тара, Микки?

Я не стал ей отвечать. Я был так потрясен, что не мог вымолвить ни слова.

«Они же не понимают, о ком я говорю!» — осознал я.

Тары не существует. Она еще не родилась!

На мгновение я затрепетал от радости. Тары нет! Я могу прожить весь этот день, не видя, не слыша, не чувствуя присутствия Тары Ужасной! Прямо сказка! Но потом до меня дошел реальный смысл происходящего.

Один ребенок Вебстер уже исчез. Я был следующим.

Когда я расправился с хлопьями, мама повела меня наверх переодеваться. Она сама надела на меня рубашку, штанишки, носки и ботинки. Впрочем, шнурки она не завязала.

— А теперь, Микки, — сказала она, — давай потренируемся в

завязывании шнурков. Помнишь, как мы это делали вчера?

Она взялась за концы шнурков и стала их завязывать, напевая:

— Кролик скачет *вокруг* дерева, а утки сидят *под* кустом. Вспомнил?

Она откинулась и смотрела, как я справляюсь со вторым ботинком. По ее лицу было видно, что она не ожидала от меня таких успехов.

Я наклонился и с легкостью завязал шнурок. У меня не было времени прикидываться. Мама уставилась на меня в изумлении.

— Давай, мама, пойдем же, — сказал я, распрямляясь.

— Микки! — воскликнула мама. — У тебя получилось! Ты впервые завязал шнурок сам! — Она схватила меня и крепко прижала к себе. — Подожди, я сейчас расскажу папе!

Вытаращив глаза, я последовал за ней по лестнице вниз.

Итак, я завязал свой башмак. Велика важность!

— Милый! — позвала мама. — Микки завязал ботинок, совершенно самостоятельно!

— Ура! — радостно воскликнул папа. Он поднял свою руку, чтобы мы могли хлопнуть друг друга ладонями. — Какой у меня взрослый сын!

На сей раз я увидел, как папа сказал ей одними губами:

— Долго он к этому шел!

Я был слишком обеспокоен, чтобы обидеться.

Мама проводила меня в детский сад. Она сообщила воспитательнице, что я научился завязывать шнурки. Все были в восторге.

Я просидел все утро в этом дурацком детском саду, рисуя пальцем и распевая песню про алфавит.

Я знал, что мне обязательно надо попасть снова в антикварный магазин. Больше я ни о чем и думать не мог.

«Во что бы то ни стало я должен исправить часы с кукушкой, — твердил я себе в отчаянии. — Как знать, может быть, завтра я уже не буду уметь ходить».

Но как же мне попасть туда? Даже второкласснику было очень нелегко добраться до центра одному.

А для ребенка детсадовского возраста — это уж совсем непосильная задача.

Даже если мне удастся одному сесть на автобус и никто не станет задавать мне вопросов, то откуда я возьму деньги на проезд?

Я взглянул на кошелек воспитательницы. Может, стянуть у нее пару монет? Она и не заметит.

Но если она застанет меня на месте преступления, беды не оберешься.

Я решил каким-нибудь образом прошмыгнуть в автобус. По ходу дела я что-нибудь придумал бы.

Когда мучения в детском саду наконец закончились, я выскочил из здания, помчался к автобусной остановке — и налетел прямо на маму.

— Привет, Микки, — поздоровалась она. — Как прошел день?

Я совершенно забыл, что она сама забирала меня из детского сада.

Она взяла меня за руку железной хваткой. Надежды на спасение не осталось.

«Во всяком случае, я все еще на свете, — подумал я, проснувшись на следующее утро, — по крайней мере, я еще жив».

Но мне всего четыре года. Время на исходе.

Мама вошла в комнату, пританцовывая и напевая:

— С добрым утром, сынок, с добрым утром, сынок, с добрым утром, милый Микки, с добрым утром, сынок! Готов отправиться в ясли?

Фу, ясли! Дело оборачивалось все хуже и хуже. Я больше не мог этого вынести.

Мама высадила меня из машины перед яслями, поцеловала и, как всегда, проговорила на прощание:

— Удачи, Микки!

Прокравшись в ближайший угол, я сел и стал наблюдать за играющими детьми. Я отказывался от всего: от пения, от рисования, от песочницы, от всех развлечений.

— Майкл, что с тобой творится сегодня? — обратилась ко мне моя воспитательница мисс Сартон. — Тебе нездоровится?

— Со мной все в порядке, — ответил я.

— Но почему же ты не играешь? — спросила она и, окинув меня оценивающим взглядом, добавила: — Мне кажется, тебе просто необходимо поиграть!

И, не спросив моего на то соизволения, схватила меня, вынесла на улицу и посадила в песочницу.

— Мона поиграет с тобой, — произнесла она радостным тоном.

Мона и в четырехлетнем возрасте была симпатичной. Как я мог забыть об этом?

Мона не произнесла ни слова. Она вся сосредоточилась на строительстве иглу — по крайней мере, я думал, что дом, который она возводила из песка, был иглу. Во всяком случае, он был круглым.

Я хотел поздороваться с ней, но вдруг смутился.

Потом я поймал себя на том, что застеснялся перед девочкой, которой всего-то четыре года. С какой стати?

«В любом случае, — урезонивал я себя, — в трусах она меня еще не видела. И не увидит в ближайшие восемь лет».

— Привет, Мона! — сказал я и съежился от звука своего ясельного голоска. Но все, казалось, воспринимали его как должное.

Мона вздернула носик.

— Фу, — фыркнула она, — мальчишка! Терпеть не могу мальчишек!

— Что ж, — пропищал я своим детским голоском, — если тебе неприятно, забудь о моих словах.

Мона смотрела на меня так, как будто не совсем поняла смысл сказанного.

— Дурак! — заявила она.

Я пожал плечами и принялся рисовать на песке загогулины своим пухленьким маленьким пальчиком. Мона вырыла ров вокруг своего песчаного иглу. Потом встала и распорядилась:

— Смотри, чтобы никто не разрушил мой замок!

Значит, это был не иглу. Похоже, я ошибся.

— Ладно, — согласился я.

Она заковыляла прочь. Через несколько минут она вернулась с ведерком в руках.

Она осторожно налила немного воды в ров вокруг песчаного замка и опрокинула ведро с оставшейся водой мне на голову.

— Глупый мальчишка! — вопила она, убегая.

Я поднялся и, как собака, потряс мокрой головой. У меня возникло странное желание расплакаться и подбежать к воспитательнице за помощью, но я поборол его в себе.

Мона стояла неподалеку, готовая рвануть.

Она призывно причмокивала, чтобы раздражить меня.

— Давай, поймай меня, Микки!

Я отбросил мокрые волосы со лба и уставился на Мону.

— Не поймаешь! — зазывала она.

Что мне оставалось делать? Только погнаться за ней.

Я бросился вдогонку. Мона завизжала и побежала к дереву возле ограды. Там стояла другая девочка. Может быть, Сиси?

Она была в очках с толстым стеклом, в розовой оправе и с розовой наклейкой на одном глазу. Я про это совершенно забыл, а ведь она ходила так до середины первого класса. Мона снова взвизгнула и схватилась за Сиси, та вцепилась в Мону и тоже завопила. Я остановился напротив дерева.

— Не бойтесь, я не ударю, — уверил я их.

— Ударишь! — пронзительно закричала Мона. — Помогите!

Я демонстративно уселся на траву в доказательство, что не трону их.

— Он дерется! Он дерется! — верещали девчонки.

Они расцепили руки и повалили меня.

— Ой! — закричал я.

— Держи его за руки, — приказала Мона. Сиси подчинилась. Мона принялась меня щекотать.

— Прекрати! — взмолился я. Это была пытка. — Перестань!

— Нет уж! — прокричала Мона. — Это тебе за то, что хотел поймать нас!

— Я... не... — Я с трудом мог выговаривать слова, так было щекотно. — Я не... хотел...

Нет, хотел! — стояла на своем Мона.

Я и позабыл, что Мона была таким деспотом. Это заставило меня призадуматься.

«Если я когда-нибудь вернусь в свой возраст, — пришел я к выводу, — вряд ли Мона так уж будет меня волновать».

— Пожалуйста, перестань! — взмолился я снова.

— Ладно, — сказала она, — но только если пообещаешь кое-что.

— Что?

— Забраться на то дерево. — Она указала на дерево возле ограды. — Обещаешь?

Я посмотрел на дерево. Не такое уж трудное дело.

— Ладно, — согласился я. — Только слезьте с меня.

Мона встала. Сиси отпустила мои руки. Я поднялся на ноги и отряхнулся.

— Испугался, — поддразнила Мона.

— Вовсе нет, — ответил я.

«Какая зараза! Она была такой же скверной, как и Тара».

Теперь Мона и Сиси распевали:

— Микки испугался! Микки испугался!

— Заткнитесь! — заорал я на них сверху. — Вы что, не видите, что я уже лезу на это дурацкое дерево? Бессмысленно обзывать меня трусом.

Обе посмотрели на меня пустым взором, какой уже был раньше у Моны. Как будто они не понимали, что я говорю.

— Микки испугался! — затаили они опять.

Вздыхнув, я продолжал лезть вверх. Ручки у меня были такие маленькие, что ими было трудно обхватывать ветки. Одна нога сорвалась.

Ужасная мысль пронеслась у меня в голове: «Стоп. Я не должен этого делать. Это же происходит в яслях в тот год, когда я сломал себе руку!»

— ЙААААААААААААААААААХ!

И снова утро.

Зевнув и открыв глаза, я встряхнул левой рукой, которую сломал, взбираясь вчера на это дурацкое дерево.

Рука слушалась отлично, совершенно нормально, как здоровая. Должно быть, я опять переместился назад во времени. Вот и у попятного времени есть преимущества: мне не пришлось ждать, пока рука заживет. Интересно, как далеко назад я перескочил во времени? Солнечный свет лился в окно Тариной — или моей — комнаты. На мое лицо падала странная — полосатая — тень.

Я попытался слезть с кровати, но наткнулся на что-то.

Что бы это могло быть? Я откатился обратно.

Прутья! Я был окружен прутьями. Неужели я в тюрьме?

Я попытался сесть, чтобы лучше видеть. Это оказалось гораздо труднее, чем обычно. Похоже, у меня ослабли мышцы живота.

В конце концов я умудрился сесть и оглядеться.

Это была не тюрьма: я был в детской кроватке.

Я узнал скомканное старое желтое одеяло с вышитой уткой, мягких зверюшек подле себя. На мне была беленькая маечка и...

О, нет!

Я в ужасе зажмурил глаза.

Этого не может быть!

«Господи, сделай так, чтобы это оказалось неправдой!» — взмолился я.

Я открыл глаза, но моя молитва не была услышана.

Подгузники!

В голове роились мысли: «Сколько же мне сейчас лет? Как далеко пронесся я назад во времени?»

— Ты уже проснулся, Микки?

В комнату вошла мама. Она была такой молоденькой, какой я ее не помнил.

— Сладенький мой, ты выспался? — спросила она, определенно не ожидая ответа. И точно, она сунула мне в рот бутылочку сока.

Фу! Еще и бутылочка! Я выплюнул ее и неуклюже отшвырнул.

— Нет, так нельзя, — терпеливо произнесла мама, поднимая бутылочку с пола. — Нехороший мальчик. Ну, давай, Микки, выпей сок!

Она опять впихнула мне соску. Мне страшно *хотелось* пить, поэтому я высосал сок из бутылки. Пить из соски вовсе не так уж противно, если привыкнуть.

Когда мама ушла, я выпустил бутылку.

Необходимо было все же узнать, сколько мне лет, в какое время я перепрыгнул.

Ухватившись за прутья кровати, я подтянулся и поднялся на ноги.

«Это радует, — подумал я. — Стоять я умею».

Я сделал шаг. Ноги слушались плохо. Я заковылял по кровати.

Я понял, что ходить могу. Не очень уверенно, но все-таки могу.

Мне, должно быть, около года!

Тут-то я и упал, больно стукнувшись головой о край кровати. Глаза наполнились слезами, я захныкал, а потом громко заревел.

Мама вбежала в комнату.

— Что с тобой, Микки? Что случилось?

Подхватив меня на руки, она стала нежно похлопывать меня по спине.

А я рыдал и не мог остановиться и чувствовал себя крайне неловко.

«Что же мне делать? — подумал я в отчаянии. — За одну ночь я стал на три года моложе! Сейчас мне всего год! Сколько же мне будет завтра?!»

От этих мыслей мое маленькое тельце содрогнулось.

«Нужно срочно найти способ заставить время идти вперед!
Сегодня же!» — сказал я себе.

Но что я могу?

Я даже не хожу в ясли!

Я — младенец!!!

Мама сказала, что мы сейчас выйдем из дома. Она собиралась одеть меня и произнесла то, чего я боялся.

— Да, я знаю, что тебя беспокоит, Микки. Тебе, наверное, пора менять подгузники.

— Нет! — закричал я. — Нет!

— Да, Микки, надо. Ну, давай...

Я не люблю вспоминать о том, что последовало за этим. Я бы предпочел вычеркнуть это из памяти.

Вы меня понимаете, конечно.

Когда худшее было позади, мама сунула меня в манеж — и я опять сидел за решеткой, пока она суежилась по дому.

Я поднял настоящий грохот. Я бил по мобилю, висевшему у меня над головой, и смотрел, как он вертится вокруг своей оси.

Я нажимал кнопки на пластмассовой игрушке. Каждая кнопка издавала свой звук. Игрушка мычала, пищала и крякала.

Мне это до смерти надоело.

Потом мама вытащила меня, надела на меня теплый свитер и дурацкую маленькую вязаную шапочку. Нежно-голубую.

— Хочешь увидеть папочку и пойти за покупками? — проворковала она.

— Па-па, — ответил я.

Я хотел сказать вот что: «Если вы не доставите меня в антикварную лавку Энтони, я выброшусь из кровати и вдребезги разобью себе голову».

Но я не мог сложить слова. Это так выбивало меня из колеи!

Мама отнесла меня в машину. Посадила в детское сиденье сзади. Я попытался сказать: «Не так туго, мамочка!», но получилось: «Не-не-не-не-не!»

— Не создавай мне лишних проблем, Микки! — строго сказала мама. — Я знаю, ты не любишь это сиденье, но так положено.

Она еще туже пристегнула меня, и мы поехали в город.

«По крайней мере, у меня появится шанс, — думал я. — Если мы поедем к папе, то окажемся рядом с антикварным магазином. Конечно, это вероятность, лишь вероятность».

Мама припарковала машину рядом с папиной конторой и отстегнула ремни. Я получил свободу, но, оказалось, ненадолго. Она вытащила из багажника коляску, разложила и посадила меня в нее, снова пристегнув ремнями.

«Маленький ребенок — что заключенный, — думал я, пока мы пересекали тротуар. — Никогда не думал, что быть им так противно!»

Было время ленча. Служащие потоком двинулись из здания офиса.

Появился папа. Он поцеловал маму и наклонился к коляске, чтобы пощекотать мне шею.

— Мальчик мой маленький! — произнес он.

— Скажи папе «привет!», — подсказала мне мама.

— Пи-па-па, — пролепетал я.

— Привет, Микки, — с нежностью в голосе произнес папа.

Он поднялся из-за стола и тихо обратился к маме, полагая, видимо, что я не услышу:

— Дорогая, разве ему уже не пора уметь выговаривать больше слов? Ребенок Теда Яксона Миккиного возраста, и он уже говорит целыми фразами. Он может сказать «воздушный шар», и «кухня», и «хочу мишку».

— Не затевай это снова, — сердито прошептала мама. — Микки не заторможенный.

Я завожился в своей коляске, кипя от возмущения: «Заторможенный! Кто сказал, что я заторможенный?»

— Я не утверждал, что он заторможенный, дорогая, — продолжал папа. — Я только хотел сказать...

— Утверждал, — отрезала мама. — Да, утверждал! Тем вечером, когда он засунул себе в нос горошины, ты сказал, что его необходимо проверить!

«Я засунул горошины в нос? — Я вздрогнул. — Конечно, глупо совать горошины в нос. Но ведь я же — малыш. Неужели папа так мнителен?» — рассуждал я.

Если бы у меня была возможность рассказать им, что я вырасту нормальным, по крайней мере к своим двенадцати годам! Конечно, я не гений, но в школе на хорошем счету.

— Может быть, мы обсудим это позже? — предложил папа. — У меня только час на ленч. Если мы собираемся найти обеденный стол, нам лучше поторопиться.

— Ты сам затеял этот разговор, — сердито сказала мама. Она развернула коляску и стала переходить через дорогу. Папа последовал за нами. Мой взгляд блуждал по фасадам зданий на противоположной стороне. Жилой дом. Ломбард. Кафе.

Наконец я увидел то, что искал — антикварную лавку Энтони.

От волнения сердце готово было выпрыгнуть из груди. Магазин все еще существовал! Мой взгляд был прикован к вывеске.

«Пожалуйста, мама, возьми меня туда! — умолял я ее про себя. — Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста!»

Мама катила коляску по улице. Мимо жилого дома. Мимо ломбарда. Мимо кафе.

Мы остановились возле магазина Энтони. Засунув руки в карманы, папа стоял около окна и смотрел сквозь стекло. Мама подкатала коляску к нему.

Я не мог поверить в такую удачу — и это после стольких мытарств!

Я вглядывался в окно, высматривая то, к чему стремился. Часы.

Витрина магазина была оформлена в виде старинной гостиной. Я пробежался глазами по обстановке: деревянный книжный шкаф, настольная лампа с абажуром, персидский ковер, вычурное кресло и часы... настольные часы. Вовсе не мои часы с кукушкой. Не те часы.

Я сник.

«Это судьба, — подумал я. — Наконец-то я у цели, в антикварном магазине, а часов здесь нет!»

Мне хотелось плакать.

Я бы мог себе это позволить. Запросто.

В конце концов, я всего лишь малыш, и вполне естественно, что я заплачу.

Но я не заревел. Конечно, я выглядел младенцем, но внутри-то я оставался двенадцатилетним парнем. Со своей гордостью.

Папа распахнул дверь и придержал ее для нас с мамой.

Мама втокнула внутрь коляску, в которой я сидел, прикрепленный ремешками, чтобы не выпасть.

Магазин был полон старой мебели.

Круглолицый мужчина, лет сорока, заспешил к нам по проходу. А за ним, в конце прохода в углу, в самом конце магазина я их и увидел. Часы. *Те самые часы.*

Вопль радости вырвался из меня. Я задергался в коляске, чтобы освободиться. Я был так близок к цели!

— Чем могу служить? — обратился продавец к моим родителям.

— Мы присматриваем обеденный стол, — сказала ему мама.

Мне надо было выбраться из коляски. Мне надо было добраться до часов.

Я дергался все сильнее и сильнее, но это не помогало: ремешки удерживали меня.

— Выпустите меня отсюда! — закричал я.

Мама и папа обернулись ко мне.

— Что он такое говорит? — спросил папа.

— Что-то вроде «вы-ме, вы-ме», — предположил продавец.

Я задергался с еще большей силой и завизжал.

— Он ненавидит свою коляску, — объяснила мама. Она наклонилась и отстегнула ремни. — Я подержу его на руках, тогда он быстро успокоится.

Пока она брала меня на руки, я молчал. Но затем я заверещал с новой силой и стал брыкаться что было мочи.

Папа покраснел.

— Майкл, что с тобой случилось?

— Вниз! Вниз! — вопил я.

— Ну, хорошо, — пробормотала мама, опуская меня на пол. — Теперь, пожалуйста, прекрати плакать.

Я тут же замолк. Я стоял на своих шатких пухленьких ножках. На них далеко не уйдешь, но это все, чем я располагаю, чтобы добраться до часов.

— Присматривайте за ним, — попросил продавец, — здесь много бьющегося.

Мама крепко взяла меня за руку.

— Пойдем, Микки. Давай посмотрим на столы.

Она хотела подвести меня к тому углу, где стояло несколько деревянных столов. Я вертелся и извивался в надежде освободиться. Хватка у нее была железная.

— Ш-ш-ш, Микки, — сказала она.

Я смирился, и она дотащила меня до столов. Я посмотрел на часы. Был почти полдень.

В полдень кукушка должна выскочить. Это был мой последний шанс схватить и повернуть ей голову обратно.

Я повис у мамы на руке. Она только крепче меня сжала.

— Дорогая, как тебе вот этот? — обратился к ней папа, проводя рукой по поверхности стола темного дерева.

— Думаю, он слишком темный по сравнению с нашими стульями, Герман, — ответила мама. Ее внимание привлек другой стол. Пока она продвигалась к нему, я пытался выскользнуть из ее рук, но тщетно.

Я проковылял за ней к второму столу. Стрельнул глазами на часы. Минутная стрелка передвинулась.

Две минуты до двенадцати.

— Ты слишком разборчива, дорогая, — сказал папа. — Бергеры приезжают на ужин в субботу, всего через два дня. Не можем же мы устраивать званый ужин без стола!

— Я знаю, дорогой. Но это еще не повод покупать стол, который нам не нравится.

Папа начал повышать голос, а мама сжала губы.

Ага! Ссора! Вот мой шанс!

Папа кричал:

— Почему бы нам не расстелить скатерть прямо на полу и не предложить им поесть там? Мы назовем это пикником!

Мама наконец ослабила хватку, я выскользнул и засеменял на всех парах к часам.

Минутная стрелка опять передвинулась. Я затоптал еще быстрее. Я слышал, как ссорились родители.

— Не буду я покупать этот безобразный стол, и все! — кричала мама.

«Господи, пусть они не заметят меня! — молился я. — Пусть, по крайней мере, не сейчас!»

Наконец я добрался до часов. Остановившись перед ними, я посмотрел вверх на циферблат.

Окошко кукушки было высоко надо мной, вне пределов досягаемости.

Вновь щелкнула минутная стрелка. Часы забили.

Распахнулось оконце, и выпрыгнула кукушка.

Она прокуковала первый раз. Второй.

Я беспомощно смотрел на нее.

Двенадцатилетний мальчик с телом младенца!

Нахмурившись, я взирал на часы.

Безразлично как, но я должен был добраться до кукушки.

Каким-то образом я должен был повернуть ей шею.

«Ку-ку! Ку-ку!»

Три. Четыре.

Я знал, что буду обречен, как только она прокукует в двенадцатый раз. Она спрячется.

Вместе с ней ускользнет последняя возможность спастись. Через день-другой я исчезну. Исчезну навсегда.

Совершенно обезумев, я озирался по сторонам в поисках какой-нибудь лестницы, табуретки или другого подходящего предмета.

Ближе всего стоял стул.

Я дотопал до него и толкнул его в сторону часов. Он сдвинулся всего на сантиметр. Я навалился на него всем своим весом. По моим представлениям, я должен был весить около восьми килограммов.

Но этого было достаточно. Стул заскользил по полу.

«Ку-ку! Ку-ку!»

Пять. Шесть.

Наконец я придвинул стул к часам. Сиденье стула находилось на уровне моего подбородка. Я попытался подтянуться, но руки были слишком слабые. Тогда я уперся резиновой подошвой своего тапочка о ножку стула, оттолкнулся и, ухватившись за перекладину спинки, водрузил себя на сиденье.

Я таки сделал это!

«Ку-ку! Ку-ку!»

Семь. Восемь.

Я встал на колени, потом поднялся на ноги. Я протянул руки, чтобы схватить кукушку. Я тянулся как мог.

«Ку-ку! Ку-ку!»

Девять. Десять.

«Тянись же, тянись!»

И тут я услышал крик владельца магазина:

— Возьмите ребенка!

Я услышал тяжелые шаги. Они бежали ко мне.

Я вытянулся, чтобы достать до кукушки. Еще чуть-чуть...

«Ку-ку!»

Одиннадцать.

Мама схватила меня и подняла на руки.

На одну долю секунды кукушка промелькнула в пределах досягаемости от меня. Я успел схватить ее и развернуть ей голову.

«Ку-ку!»

Двенадцать.

Кукушка, с правильно поставленной головой, скрылась в окошке.

Она смотрела вперед.

Я вырвался из маминых рук, приземлившись на стул.

— Микки, что на тебя нашло? — закричала она и попыталась снова схватить меня.

Я увернулся от нее и перегнулся к боковой стенке часов.

Я нашел маленький циферблат, показывающий годы. Я нащупал кнопку, передвигающую цифры, до которой я едва дотянулся, стоя на стуле. Я нажал кнопку, внимательно следя за перемещением цифр.

Послышался крик владельца магазина:

— Уберите этого ребенка от часов!

Мама опять схватила меня, но я завизжал. Я так истошно вопил, что она растерялась и опустила руки.

— Микки, прекрати! — приказал папа.

Я убрал руку с кнопки. Часы показывали нужный год. Текущий год. Год, в котором мне исполнялось двенадцать.

Мама вновь попыталась схватить меня, и на этот раз я не

сопротивлялся.

«Теперь уже не важно, что случится, — думал я. — Либо часы сработают и мне опять будет двенадцать лет... либо они не сработают. И что тогда? Тогда я исчезну. Растворюсь во времени. Навсегда».

Я ждал.

У меня заболела шея от напряжения.

Ничего не происходило. Ничего.

Я прождал еще минуту.

Продавец осмотрел часы и, обратившись к папе, сказал:

— Все в порядке, он только изменил год, сейчас я это исправлю.

— Нет! — завопил я. — Нет! Не надо!

— Я бы посоветовал поостроже воспитывать мальчика, — сказал Энтони.

Он нажал на кнопку и стал устанавливать цифры прежнего года.

— Не-ет! — вопил я. — Не-ет!

«Ну, все, — осознал я. — Я обречен. Мне конец. Мне конец».

Но владелец магазина так никогда и не коснулся кнопки.

Вспыхнул яркий белый свет. Я почувствовал тошноту и головокружение. На мгновение я зажмурился. Снова моргнул. Несколько секунд прошло, прежде чем я смог что-нибудь разглядеть.

Воздух был влажным, мне было холодно, я чувствовал запах плесени, запах гаража.

— Майкл?! Тебе нравится? — донесся до меня папин голос.

Я моргнул. Глаза привыкли к свету. Я увидел папу и маму. Они выглядели старше. Как в жизни. Мы стояли в гараже. Папа держал сверкающий новый 21-скоростной велосипед.

Мама нахмурилась:

— Майкл, с тобой все в порядке?

Они вручали мне велосипед. Это был мой день рождения! Часы сработали! Я вернул себя в настоящее. *Почти* вовремя. В день моего двенадцатилетия.

Довольно точно. Я думал, что взорвусь от счастья.

Я бросился к маме и сжал ее в объятиях, потом повис у папы на шее.

— Ух ты! — выдохнул папа. — Похоже, тебе и впрямь понравился велосипед!

Я улыбнулся.

— Очень! — воскликнул я. — Мне все нравится! Весь белый свет!

Но главным образом мне нравилось снова стать двенадцатилетним. Я умел ходить! Умел говорить! Я мог сам ездить в автобусе!

«Ох, стоп, — остановил я себя. — Сегодня день моего рождения. Только не говорите, что мне придется прожить его снова. — Я весь напрягся при мысли о всех ужасах этого дня. — Но это стоит того, — сказал я себе, — это стоит пережить, если время будет естественно идти вперед».

Я слишком хорошо представлял, что меня ожидает.

Тара. Она попытается залезть на мой велосипед, он упадет, и на нем останется царапина.

«Ну, что ж, Тара, — подумал я. — Я готов. Иди же, принимайся за свои пакости».

Я ждал. Тара не появилась. Казалось, что ее вообще нет поблизости.

В гараже ее не было. Не ощущалось никаких признаков ее присутствия.

Мама и папа охали и ахали над велосипедом. Они вели себя так, словно ничего не случилось, как будто все были на месте.

— А где Тара? — спросил я.

Они подняли на меня глаза и уставились в недоумении:

— Кто?

— Ты ее пригласил на вечеринку? — спросила мама. — Что-то я не припомню, чтобы посылала приглашение какой-то Таре.

Папа усмехнулся:

— Тара? Уж не положил ли ты глаз на девочку по имени Тара?

— Нет, — ответил я, покраснев.

Казалось, что они никогда и не слышали о Таре. Никогда не слышали о собственной дочери!

— Ты бы шел наверх и приготовился к приему гостей, Майкл, — посоветовала мне мама. — Твои друзья скоро придут.

— Хорошо, мам, — озадаченный, я неуверенно побрел к дому.

— Тара! — позвал я.

Тишина. Наверное, она где-нибудь спряталась.

Я обшарил весь дом. Потом обследовал ее комнату. Когда я

распахнул дверь, то ожидал увидеть неубранную комнату в девчачьих розовых тонах, с кроватью под пологом.

Вместо всего этого я увидел две одинаковые кровати, аккуратно застеленные пледами. Стул. Пустая кладовка. Никаких личных вещей. Это была явно не комната Тары. Это была комната для гостей. Да уж! Я был сражен. Тары не было. Она больше не существовала. Как же это случилось?

Я добрел до кабинета, разыскивая часы с кукушкой. Их там не было.

На мгновение страх охватил меня, но я успокоился, вспомнив, что у нас еще не должно было быть этих часов. В мой день рождения их не было. Папа купил их пару дней спустя.

Но все-таки я чего-то недопонимал. Что случилось с моей младшей сестрой? Где же Тара?

Собрались мои друзья. Мы играли на компьютере и ели кукурузные чипсы. Сиси затащила меня в угол и сообщила, что Мона в меня влюбилась.

Ого! Я взглянул на Мону. Она зарделась и застенчиво отвела глаза. Было некому меня смутить: не было Тары. Это сильно меняло дело.

Все мои друзья принесли мне подарки. На сей раз я сам открыл их. Никакая Тара не смогла опередить меня. Когда пришло время пить чай, я внес торт в столовую и поставил посреди стола. Ничего не случилось: я не упал и не выставил себя дураком. А все потому, что не было Тары с ее подножкой.

Это был самый замечательный день рождения в моей жизни. Лучший день во всей моей жизни потому, наверное, что Тара не вертелась под ногами, чтобы все испортить.

«Это начинает нравиться», — думал я.

Через несколько дней нам привезли часы с кукушкой.

— Здорово, правда? — возбужденно восторгался папа, как и в первый раз. — Энтони продал их по дешевке. Он сказал, что нашел в них совсем небольшой изъян.

Изыян... Я совсем забыл о нем.

Мы так и не смогли обнаружить его. Но почему-то мне казалось, что исчезновение Тары связано с ним. Может быть, не все механизмы верно работали? И поэтому Тара осталась в прошлом?

Я едва осмелился прикоснуться к часам. Я не хотел больше играть в странные игры со временем. Но я должен был выяснить, что же все-таки произошло.

Я осторожно изучил голову кукушки и украшения. Затем я уставился на циферблат, показывающий годы. Стрелка застыла на цифрах текущего года. Без задней мысли я начал отсчитывать двенадцать лет, чтобы найти год своего рождения.

Я его нашел.

Потом я заскользил взглядом по цифрам в обратном направлении. 1984. 1985. 1986. 1987. 1989...

Секундочку! Я же только что проскочил один год! Я вновь пересчитал даты.

1988 год был пропущен. Его не было на циферблате.

А ведь в 1988 году родилась Тара!

— Папа! — закричал я. — Я нашел изъян!

Посмотри, на циферблате пропущен год!

Папа легонько похлопал меня по спине:

— Молодец, сынок! Забавно, правда?

Для него это была просто смешная ошибка. Он даже не подозревал, что из-за этого не родилась его дочь. Я полагаю, что можно как-то переместиться в прошлое и забрать ее оттуда. Я думаю, что я должен это сделать. И я этим займусь. Правда. Через день-другой. Может быть...

Примечания

1

(фр.) — ранее увиденное.